

ВЯЧЕСЛАВ ВОЛЬЧИК

ПОЛУЭКТОВ,

или
ничего
необычного

Вячеслав Вольчик

**Полуэктов,
или Ничего необычного**

«Издательские решения»

Вольчик В.

Полуэктов, или Ничего необычного / В. Вольчик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969193-4

Неспешно, в привычных делах и событиях проходят дни главного героя, Сергея Сергеевича Полуэктова. У него все как у многих. Многое — как у вас. Работа, друзья, встречи, знакомства. Мечты, амбиции, сомнения, вопросы. Пустяковая болтовня и кухонные разговоры «за жизнь». Об искусстве, философии, религии, экономике, «русской душе» и любви... Обычные дни обычного человека. Можно ли вырваться за пределы этой обыденности? И если возможно, то зачем?

ISBN 978-5-44-969193-4

© Вольчик В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	18
4	25
5	31
6	36
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полуэктов, или Ничего необычного

Вячеслав Вольчик

Корректор Наталья Кайгородова

© Вячеслав Вольчик, 2019

ISBN 978-5-4496-9193-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Как всегда неожиданно, город накрыла вечерняя тьма. Сергей Сергеевич Полуэктов никуда не торопился. Так получилось, что никаких планов у него не было. Идти после работы домой совершенно не хотелось. Дома его ждали только компьютер, интернет и горы грязной посуды. Полуэктов решил пройтись по центральным улицам города. Он довольно часто так делал, чтобы побыть совершенно одному. Среди спешащих людей, стоящих непрерывной вереницей машин, горящих витрин он чувствовал странную свободу и одновременно одиночество, в хорошем смысле этого слова.

Была поздняя осень, но сухо и не очень холодно. На деревьях оставались редкие листья, которые уже не могли скрыть их наготу. В детстве такая поздняя осень у Полуэктова ассоциировалась с запахом дыма от повсеместно сжигаемых в кострах листьях. Он подумал о том, что давно не видел, чтобы сейчас кто-то так боролся с опавшей листвой.

Сергей Сергеевич наслаждался самим процессом движения. Он не обращал внимания ни на что, даже на свои мысли, которые тоже двигались в его голове, но, в отличие от него самого, в совершенно хаотичных направлениях.

Внезапно Полуэктов ощутил толчок. Девушка с огромной коробкой от монитора в руках буквально плюхнулась на него. От неожиданности он на одно мгновение потерял равновесие, но смог удержаться на ногах. Коробка с необычным для компьютерной техники грохотом рухнула на асфальт. Девушка инстинктивно, чтобы не упасть, вместо коробки обхватила Полуэктова.

– Вы как-нибудь осторожней, – раздраженно и совсем непривычным для себя тоном попытался разрядить нелепую ситуацию Полуэктов.

– Все пропало, все пропало... – с немного безумным выражением повторяла девушка, поднимая коробку с асфальта.

От удара коробка расклеилась, и из нее с грохотом начали вываливаться большие и маленькие керамические осколки и куски пенопласта. За несколько секунд все содержимое распавшейся на составные части коробки оказалось на земле.

– Ничего страшного, я помогу все собрать, – невнятно выговорил Полуэктов.

Его буквально потряс вид девушки. С безумными глазами, полными тоски и одновременно обреченной решительности, она смотрела на кучу осколков и что-то бормотала себе под нос. Полуэктову даже стало немного страшно: с таким видом она могла легко броситься под машину или совершить харакири одним из осколков.

– Давайте я помогу вам, – более настойчиво и уверенно повторил он.

– Поздно... помогать, – ответила она, начиная понемногу приходить в себя.

– А я попробую, с вашего разрешения, – сказал Полуэктов и без реакции со стороны девушки начал решительно перекладывать кучу керамических осколков на лежавшую рядом часть коробки.

Осколки были очень ярких цветов и совершенно невообразимой формы. Среди битой керамики попадались целые предметы непонятного назначения, тоже космической формы и раскраски.

Когда все осколки и уцелевшие фрагменты были помещены обратно в коробку, девушка, кажется, пришла в себя и неожиданно решительно обратилась к Сергею Сергеевичу:

– Теперь вы должны помочь мне все это донести до дома.

Голос у девушки был необычным, с какими-то бархатными нотками. Он завораживал и, видимо, не предполагал возражений. Полуэктову девушка показалась симпатичной, и он не смог отказать.

– Ну, если недалеко, помогу, конечно.

– Недалеко. Я живу через два дома, налево, во дворе. Коробку сможете сами нести или мне помочь?

– Смогу, не надо.

– Тогда идите за мной.

И она пошла довольно быстрым шагом. Поврежденная коробка все время норовила открыться, и Сергею Сергеевичу приходилось перехватывать ее, чтобы оттуда не вываливались эти странные керамические предметы и осколки.

Девушка жила в новом и, видимо, очень дорогом шестиэтажном доме, стилизованном под старину. Миновав консьержку, они зашли в лифт, поднялись на верхний этаж. За все время девушка не сказала ни слова.

На этаже было всего две двери. Одна напоминала сейф в банке и своей неприступностью внушала уважение. Вторая, оббитая необычными цветными рейками, можно сказать, имела утонченный дизайнерский вид. Девушка направилась от лифта ко второй, Полуэктов поспешил за ней. По дороге она начала рыться в сумочке, пытаясь отыскать ключи. После минуты поисков ключи наконец нашлись, и она открыла дверь.

– Проходите и положите коробку в комнате слева. Пожалуйста, осторожно, – произнесла она своим необычным и притягательным голосом.

Полуэктов, немного свыкшийся за эти минуты с ролью носильщика, безропотно выполнил указание. Чтобы положить коробку на пол и не вывалить содержимое, ему пришлось очень сильно наклониться и почти лечь на пол. С виду пол был совершенно гладкий, из дорогого и хорошо обработанного дерева. Вся квартира оказалась очень большой, просторной и совершенно свободной от мебели. С первого взгляда создавалось впечатление, что это не жилое помещение, а музей или вокзал.

– Ну, я пойду. Вы извините меня, ради бога. Можно один вопрос? – спросил Полуэктов, стоя возле коробки посреди комнаты.

Девушка закрыла дверь, нажала выключатель, и квартира наполнилась мягким, бьющим неизвестно откуда светом. Она держала паузу и не отвечала. Сергея Сергеевича это раздражало, но хотелось услышать ее голос... очень хотелось.

– Это мои работы, на выставку, я готовила их больше трех месяцев. Теперь все пропало... Я не обижаюсь, сама виновата. Надо было по сторонам смотреть. Спасибо большое, что помогли донести. До свидания.

– Вас как зовут?

– Юлия.

– Хорошее имя, главное редкое. Меня зовут Сергей. Если что надо будет донести, я могу оставить телефон, позвоните.

– Это лишнее. До свидания, – еще раз, совершенно безразличным голосом, произнесла она.

– Пока, Юля, – сказал Полуэктов и попытался открыть дверь.

Дверь не поддавалась.

– Открою... сейчас, – сказала Юлия и, нажав кнопку на замке, отворила дверь настежь. – До свиданья.

Полуэктов спустился на первый этаж по лестнице, миновал следящий взгляд консьержки и камер и вышел из подъезда на воздух.

До машины, которую Полуэктов всегда парковал в одном и том же месте рядом со своей работой, он шел быстрым шагом, не смотря по сторонам и даже не думая ни о чем.

Путь по вечерним пробкам действовал оупляюще. По радио звучала тошнотворная музыка. Он переключал радиостанции, но ничего, что можно слушать более трех минут, не находил. На «Эхе Москвы» обсуждали политические новости и грядущие выборы. Люди с неприятными голосами спорили, кто из них лучше понимает чаяния народа. Полуэктов

не мог понять, как такие ничтожества могут вызывать хоть какое-то доверие со стороны того самого народа, который они не уважают, не знают и презирают. Сергею Сергеевичу даже начало казаться, что он засыпает за рулем. Он достал из бардачка машины диск с психоделическими вещами группы Roz Vitalis, врубил звук на полную мощность и до самого дома слушал довольно странную, но бодрящую музыку.

С трудом найдя место для парковки, Полуэктов направился к своему дому. В подъезде не было света, соответственно и лифт не работал. Пришлось подниматься на двенадцатый этаж пешком. После шестого этажа у Сергея Сергеевича начала появляться одышка, и он с тоской подумал, что давно пора заняться спортом.

Зайдя в квартиру, Полуэктов на ощупь стал раздеваться. Электричество уже давно не отключали, и у него не было ничего, что можно было бы использовать в качестве источника света, кроме телефона и ноутбука. Машинально снимая вещи и развешивая их в шкафу, Сергей Сергеевич с ужасом обнаружил, что его бумажник пропал. Он пошарил в портфеле, карманах куртки и пиджака – бумажника нигде не было. Хотя впасть в панику было не в его правилах, пропажа бумажника была явным перебором за этот вечер. Надо было срочно звонить в банк, заблокировать кредитную карточку.

Сергей Сергеевич достал телефон. На телефоне высветилось несколько пропущенных вызовов, звук, видимо, был отключен. Он позвонил в банк, назвал кодовое слово. Все, карточка заблокирована. Ничего особо ценного в бумажнике не находилось – лишь несколько тысяч рублей.

Зазвонил мобильный, интригуя неизвестным номером. Полуэктов нажал на зеленую кнопку.

– Здравствуйте, – сразу послышалось в телефоне, – это Юлия, вы мне все работы разбили, помните?

– Да, конечно, – ничего не понимая, отвечал Полуэктов, – откуда у вас мой телефон?

– Из бумажника, вы его у меня выронили. Звоню, чтобы не волновались и забрали его.

Полуэктову, с одной стороны, было приятно это слышать, но, с другой, он уже заблокировал карточку. Надо будет ехать в банк.

– Когда можно забрать бумажник? – спросил он.

– Хоть сейчас. Я никуда уходить не собираюсь, – ответила Юлия своим необычным, невозмутимым и очень приятным голосом.

Выбор у Полуэктова был не очень большой. Если сразу не забрать, то не факт, что завтра будет время на ненужные поездки. Сергей Сергеевич начал заново одеваться.

Лифт все еще не работал, и пришлось опять спускаться пешком. Во дворе его машина была заблокирована огромным внедорожником. Сергей Сергеевич посмотрел на лобовое стекло: номер телефона, по которому можно было бы позвонить хозяину машины, отсутствовал. Он попытался ударить по колесу, но машина на это не отреагировала. Тогда от злости он ударил по капоту ладонью, и машина завизжала и замигала фарами. Через несколько минут воя сигнализации открылось окно на пятом этаже и высунулась бритая голова:

– Ты че хочешь? – с вызовом спросила голова, хотя и так было понятно.

– Машину уберите, – немного просящим голосом попытался спокойно ответить Полуэктов.

Голова ничего не ответила и закрыла окно. Прошло не менее пяти минут, прежде чем маленький толстенький человечек в черном подошел к машине, ничего не говоря, завел ее и уехал. Полуэктов хоть и нервничал, но был рад, что не пришлось больше говорить с хозяином внедорожника.

Пробки почти растаяли, и до дома Юли Полуэктов доехал за двадцать минут. Всю дорогу он, чтобы снять стресс, на полную мощность слушал диск Боба Дилана. Музыка Дилана всегда позволяла взять себя в руки, а выглядеть раздраженным Полуэктов не любил.

Подойдя к домофону, он вспомнил, что не знает номера квартиры. Пришлось звонить Юлии. Никто не отвечал. Через минуту Сергей Сергеевич позвонил снова – ответа не было. Полуэктов уже начинал думать, что с ним зло пошутили, но его телефон вздрогнул – звонила Юля.

– Это вы? – спросила она.

– Ну да. Кто же еще в такой вечер будет полчаса стоять под дверью? – немного преувеличил Сергей Сергеевич.

– Квартира 17. Звоните.

Полуэктов набрал номер, заиграла мелодия, незнакомый мужской голос послышался из динамика:

– Слушаю.

– Я к Юлии, – ничего не понимая, машинально ответил Полуэктов.

– А, знаю, знаю. Открываю, – проговорил загадочный голос.

Через минуту Сергей Сергеевич был у квартиры. Он позвонил. За дверью слышалась музыка. Никто не открывал. Он позвонил еще раз. Вся ситуация начинала напоминать плохое кино. Через некоторое время дверь открылась. На пороге стояла незнакомая девушка. В руке у нее был бокал с бледно-розовой жидкостью, судя по пузырькам, шампанским.

– Здравствуйте, – не дожидаясь ее реакции, сказал Полуэктов, – мне нужна Юлия.

– Юлия, это к тебе, – не проявляя интереса к Полуэктову, произнесла девушка и удалилась.

Полуэктов так и стоял у открытой двери. В квартире действительно играла негромкая, но энергичная музыка. Как будто материализовавшись из воздуха, появилась Юлия.

– Ну что же вы не заходите?

– Меня никто не приглашал, – ответил Полуэктов, чувствуя себя в дурацком положении.

– Я вас приглашаю. Сейчас мы будем смотреть слайды моих работ. Вы же немного причастны к ним. Заходите.

Ничего не понимая, Полуэктов зашел в квартиру. Пока он раздевался, Юлия стояла рядом. Вид у нее был космический. Ее хотелось назвать инопланетянкой. Наверно, из-за голоса.

– Пойдемте, я познакомлю вас со своими друзьями, – сказала Юлия и повернулась в направлении к дальней комнате.

Полуэктов шел следом. Квартира была слишком просторной, ее кажущаяся неряшливой отделка, видимо, очень дорого стоила.

Войдя в комнату и дождавшись Полуэктова, Юлия обратилась к сидевшим на полу на огромных подушках двум мужчинам и трем девушкам:

– Знакомьтесь, это Сергей – человек, который помог мне избавиться от старых работ.

Юлия представила Полуэктову Кирилла и Олега. Кирилл был тележурналистом, он вел одну из региональных программ телевидения. По его движениям было сразу видно, что он знает себе цену, а немного отстраненный взгляд выдавал в нем местечковую знаменитость. Олега Юлия обозначила как искусствоведа. Вид у него был соответствующий: тонкие черты лица, высокий певучий голос и влажное мягкое рукопожатие. Ту девушку, что открыла дверь, звали Женя, она училась вместе с Юлией в университете. Две другие – Екатерина и Ксения – вместе с Юлией занимались в художественной школе.

Компания собралась на просмотр фильма о выставке работ Юлии. Фильм был снят на местном телевидении, и Кирилл был одним из его авторов. В очень большой комнате мебель практически отсутствовала. С потолка свешивался небольшой и, видимо, довольно дорогой проектор. В углу, слева от входа, стояла небольшая тумбочка с включенным ноутбуком.

Полуэктов не совсем понимал, зачем он здесь находится, хотя ему было интересно окатиться в такой необычной компании. Может быть, его привлекали симпатичные девушки,

может причастность к искусству, а может, это вносило какое-то разнообразие в череду пустых и скучных вечеров, тянувшихся один за одним после таких же однообразных рабочих дней.

Полуэктов устроился на свободном кресле-подушке. Кирилл, сидевший рядом с ноутбуком, запустил фильм. Полноценным фильмом то, что появлялось на экране, можно было назвать с большой натяжкой. Вначале девушка, в которой Полуэктов сразу узнал сидевшую рядом Женю, рассказывала о выставке современного искусства, проводимой при поддержке губернаторского фонда. После камера выхватывала куски огромного павильона, похожего на ангар для космического корабля. Голос за кадром рассказывал о работах, представленных на выставке. Через минут семь-восемь камера добралась до стенда, на котором демонстрировались работы Юлии. К ней подошла с микрофоном миловидная и совершенно искусственная девушка и начала задавать вопросы о работах и творческих планах. Юлия отвечала немногословно. Полуэктов не переставал удивляться ее голосу. Даже в записи он звучал очень необычно и притягательно. Она говорила завораживающе, как сирена. И неважно было что, важно как. Потом камера довольно долго переходила от одной работы Юлии к другой, и она делала некоторые пояснения к своим работам. Ее произведения представляли, как она сама их называла, керамические картины. Честно говоря, Сергей Сергеевич не понимал такого искусства, но ему нравился голос, и это меняло и ощущения, и восприятие.

В конце фильма на экране появился Кирилл. Он сказал несколько дежурных фраз о важности и значимости для развития культуры в регионе таких выставок, как эта. Отдельно, с выражением лица примерного пионера или комсомольца из советских фильмов, Кирилл поблагодарил губернатора области за поддержку, которую он оказывает «культуре и всей социальной сфере нашего региона».

Ролик о выставке совершенно не понравился Полуэктову. Обычный малобюджетный официоз для новостей. Работы Юлии тоже не произвели никакого особенного впечатления. А вот голос ее было слушать приятно вживую и в фильме.

После просмотра Юлия всех пригласила в гостиную. Полуэктов наконец рассмотрел всю квартиру – она была поразительных размеров и дороговизны: четыре комнаты, кухня и огромный холл. Отделка комнат напоминала работы Юлии. В каждой комнате стены разного цвета, причем раскраска довольно яркая и совершенно неоднородная. Казалось, что квартиру она тоже вылепила, покрыла глазурью и обожгла, как свои работы на выставке. В этой квартире Полуэктов чувствовал себя как в музее или на выставке.

В гостиной посреди комнаты стоял большой стол. На нем – пустые бокалы. Посередине стола небольшим, но сплоченным отрядом расположились три бутылки шампанского. Олег принялся открывать бутылку, но у него не получалось. К процессу откупоривания шампанского подключился Кирилл. По его поведению было ясно, что он не только самый значимый гость, но и самый лучший друг Юлии.

Наконец удалось наполнить бокалы. Полуэктов не стал отказываться, но почти не пил. Звучали дежурные тосты. Все происходящее не было похоже на дружескую вечеринку, а напоминало протокольное мероприятие.

Через полчаса все выпили шампанское и начали расходиться. Полуэктову от скуки жутко захотелось курить. Курить он давно бросил, а в доме и у гостей сигарет не было. Сергей Сергеевич пошел на кухню. Ему необходимо было двигаться. Он налил полстакана воды, отпил глоток и вылил в раковину. На кухню вошла Юлия, в ее руках был бумажник.

– Вот, возьмите, а то я забуду его отдать.

– А я никуда бы без него и не ушел. У вас интересные работы, извините еще раз, что я их расколошматил, – неожиданно для самого себя начал извиняться Полуэктов.

– Забудьте. Я уже забыла, – невозмутимо ответила Юлия.

Гости разошлись, не простившись с Сергеем Сергеевичем. В квартире остались Женя и Юлия.

– Сергей, вы не подвезете Женю до дома? Ее суперкар в ремонте, – спросила Юлия.
– Почему бы нет. Подвезу, конечно, если Женя согласна. Вы согласны? – обратился он к Жене.

– Да. Если вы не против, – ответила Женя.

Выйдя из подъезда, Полуэктов не сразу нашел свою машину. Он всегда плохо ориентировался в незнакомых местах.

Девушка шла рядом. Со времени выхода из квартиры она не сказала ни одного слова. Полуэктов выключил сигнализацию и открыл двери. Женя легко скользнула на переднее сиденье.

– Ну, куда ехать, начальник? – Полуэктов нарушил ставшее уже неприличным молчание.

– Мне надо до площади Ленина.

– Тысяча рублей, и домчу за десять минут, – попытался пошутить Сергей Сергеевич.

– Нет, тысяча много, а на пятьсот согласна, – поддержала его Женя.

– Слушай, а может, покатаемся? Сегодня вечер необычный.

– Мы разве на «ты»?

– Извините, сударыня, я просто немного забылся. Готов искупить свою вину кровью.

– Я не против.

– Крови?

– Нет. Не против на «ты».

– В таких случаях, в традициях хорошей русской литературы, мы должны выпить на брудершафт, – с воодушевлением сказал Сергей Сергеевич.

– Так давай и выпьем. Заводи мотор, поехали, – с немного безумными интонациями ответила Женя.

Часы в машине показывали 22:30. Полуэктов никуда не торопился. Он любил ездить по ночному городу. Мог это делать даже один, но в компании колесить без какой-либо цели было гораздо веселее.

– А ты давно знаешь Юлию? – спросил Полуэктов.

– Кажется, всю жизнь. Мы с нею учились в одном классе, а потом в университете.

– На каком факультете вы учились?

– Филологии и журналистики.

– Я думал, что Юлия художница, а она просто несостоявшийся журналист?!

– Нет, она не журналист. Юлька училась на отделении романо-германской филологии.

Она полиглот. Мне кажется, что нет языка, который она не знает.

– Странно. А зачем Юлии все эти керамические чудовища? Кем она работает?

– Никем не работает. Ты знаешь, кто у нее отец?

– Откуда мне знать.

– Ее отец Владимир Сергеевич Петровский.

– Ты шутишь?

– Зачем мне шутить? Он ее отец. Она, правда, сама не любит о нем говорить, хочет казаться независимой от его имени.

Владимир Сергеевич Петровский – известный человек в городе. Его можно было назвать даже олигархом, правда местного разлива. В девяностых годах Петровский был большим начальником в областной администрации. Потом он стал заниматься бизнесом и очень в этом преуспел. Недоброжелатели говорили, что Владимир Сергеевич является просто кошельком губернатора и все свои предприятия создал благодаря бандитской приватизации. Как все самодостаточные российские бизнесмены, Петровский не обращал на слухи и сплетни никакого внимания, оставаясь, по сути, хоть очень известным, но совершенно непубличным человеком. Полуэктов иногда слышал от своих высокопоставленных знакомых некоторые подробности о Петровском. О нем говорили, что он довольно жесток как со своими сотрудниками, так

и с соперниками по бизнесу. Обладает безграничными связями наверху, и, вообще, если есть возможность, то с ним лучше не иметь никаких дел.

Вечер намечался как литературный. Полуэктов с Женей побывали в двух пафосных ресторанах, а закончили вечер в боулинге. Особого желания у Сергея Сергеевича так поздно ехать в боулинг не было, но Женя настаивала. И не зря. Она удивительно проворно выбивала страйки один за другим. Полуэктов даже начал чувствовать себя немного неполноценным.

Домой он вернулся около дух ночи, ничего не соображая или оттого, что вечер оказался по-настоящему безумным, или от усталости.

2

Будильник на телефоне звонил уже несколько минут. Сергей Сергеевич лежал и смотрел в потолок. Телефон хотелось разбить, но лень и желание еще поспать не давали этого сделать. На несколько минут он опять погрузился в приятную и тревожную дремоту. Ему начинало сниться какое-то большое пространство, засыпанное опавшими листьями, листья были всех цветов осени. Хотелось идти и ворошить листья. Кажется, он даже слышал их шорох под ногами.

Мысль о том, что он проспал, появилась, как всегда, внезапно и разрушила осеннюю идиллию. Полуэктов вскочил и машинально потянулся к телефону. На сборы, чтобы не опоздать и не завязнуть в безнадежных пробках, оставалось пятнадцать минут.

Полуэктов не любил утро. Утром надо было что-то обязательно делать. Больше всего он не любил «надо делать». Утром всегда не хватает времени: спешка, водные процедуры, успеть до пробок, найти, где припарковаться...

Сергей Сергеевич любил неспешность. Неспешность позволяла обдумывать действия и после этого их не делать. Когда-то он прочитал повесть Милана Кундеры «Неспешность». Повесть была не особенно интересной, но затронула в Полуэктове чувства, о которых он даже не подозревал. Неспешность для него стала синонимом настоящего. Но если настоящее больше относилось к совершенно нереальному и далекому будущему, то неспешность можно было создавать каждый день. Кроме утра.

Проскочить до пробок он не успел. Змея из стоящих машин гипнотизировала и не давала ни малейшего шанса на сопротивление. Пробка подобна жизни обычного среднестатистического человека. Начальный и конечный пункты заданы, свернуть некуда, рядом такие же, как ты, все зависит не от тебя, а от неведомых и беспощадных высших инстанций.

От нечего делать Сергей Сергеевич вспоминал события вчерашнего вечера. Если кому рассказать, то вряд ли кто поверит. Полуэктов и сам бы не поверил рассказу о разбитых керамических предметах искусства, вечере в компании местных знаменитостей. Больше всего нереальной казалась девушка Женя, с которой было до того легко, что она приближалась к идеалам неспешности. «Хорошо бы ей позвонить», – подумал он.

Пробка перестала двигаться вообще. Полуэктов заглушил двигатель и начал искать в телефоне вызовы от Жени. Он был почему-то уверен, что она вчера ему звонила. Но знакомых вызовов не было. Сергей Сергеевич просмотрел даже СМС, но ничего не обнаружил.

– Как же ее найти, как же ее найти?.. – проговорил он вслух.

Фамилии Жени он не знал. Дом, где она вчера вышла, он помнил. Но ее ли это дом, он тоже не знал. Можно было позвонить Юлии, но не хотелось обращаться с дурацкими просьбами. Проблема пока казалась непреодолимой. Решено было отложить поиски телефона Жени до вечера.

Полуэктову нравилась его работа как место общения и зарабатывания денег. Однако процесс сидения в офисе и разговоров с начальниками и клиентами его несколько тяготил. Хотя кому нравятся разговоры с начальниками? Сергей Сергеевич боялся идиотизма, скрывающего подмену цели бесконечными средствами ухода от себя и от осознания, что все бессмысленно.

Офис конторы, в которой работал Полуэктов, находился в самом центре города, в старом здании конца девятнадцатого века. Дом выглядел не очень богато, но лепнина и всякие архитектурные излишества присутствовали. Постройки позапрошлого века кроме индивидуальной архитектуры обладают собственным характером и аурой. Полуэктову иногда казалось, что он какой-нибудь коллежский асессор, выходящий из квартиры на морозную улицу, где уже ждет извозчик, а от лошади идет пар.

Работа в офисе тем и хороша, что почти не имеет специфики. Вот, например, раньше для людей рабочих профессий важны были не только навыки работы с инструментами и агрегатами, но и физическая сила. Для офисного служащего главным орудием труда является компьютер. Если начальники не полные уроды, то на компьютере обязательно есть интернет без ограничений для социальных сетей и бесконечного просмотра новостных сайтов. Поэтому одним из главных условных рефлексов на приближение начальника стало умение быстро свернуть или закрыть все окна кроме наиважнейшего отчета, который вы упорно пишете уже третий день.

Если задуматься, то благодаря офисному планктону и существует мировой океан бюрократии с его штормами авральной работы, ураганами необходимых сегодня же отчетов и планов за предыдущие и последующие пять лет, легкими бризами послеобеденного чаепития и штителями августовских отпусков. Только работая в офисе современный человек эволюционирует как вид в современных условиях глобализации. И кто с этим не согласен, просто еще не нашел себе подходящее место в офисной биосфере.

День выдался напряженный, назначенные встречи переносились, в документы закрадывались досадные ошибки, телефон звонил постоянно, электронные письма приходили так часто, что проще было удалять их, чем отвечать. О Жене он вспомнил лишь один раз, когда второпях пил кофе в обеденный перерыв.

Полуэктову всегда нравилась в женщинах необычность или то, что он принимал за нее. В Жене ему нравилась непосредственность. Странная и немного сумасшедшая улыбка, словечки, которыми она по своей журналистской привычке награждала окружающих людей и предметы. Сергею Сергеевичу казалось, что он знает Женю уже очень-очень давно.

Кофе был дрянь. Полуэктов положительно относился к красивым вещам и хорошему кофе. И вообще, он пытался стремиться к гармонии, понимая, однако, ее недоступность. Поиски телефона Жени в данный момент были бесполезны, и он просто перестал об этом думать.

К вечеру все остальные мысли вытеснила одна – мысль о головной боли. Или менялась погода, или день выдался слишком суетный, но в шесть вечера он хотел лишь найти таблетку, а то голова грозила разорваться. Таблетки от головной боли в офисе не оказалось. Сергей Сергеевич сидел и тупо смотрел на свой вибрирующий телефон. Звонил кто-то неизвестный. Во всяком случае, номер не определился как существующий в контактах. Отвечать не хотелось, но звонил кто-то настырный.

– Да, – без особой охоты ответил Полуэктов.

– Привет, это Женя. Мне твой телефон Юлька дала.

– Привет, рад тебя слышать.

– Мне сегодня надо написать репортаж о работе политтехнологов. Я сейчас собираюсь ехать черт знает куда, и одной мне общаться с этими гнусными типами как-то неуютно. Не хочешь со мной?

– В смысле поехать?

– Ну не лететь же, конечно поехать. Ты на машине?

– Ну да.

– Я буду на углу Пушкинской и Крепостного через полчаса. Заберешь меня?

– Заберу, жди. Буду подъезжать, позвоню.

– Пока. Ты меня спас! – сказала Женя и отключила телефон.

Еще минуту назад Полуэктов думал только о таблетке от головной боли. И вот этот совершенно нелогичный звонок. Он ничего не понимал, но ему стало приятно.

Место, куда он приехал с Женей, напоминало психологический центр, куда от скуки лет десять назад ходил Полуэктов. Тогда знакомые психологи проводили различные тематические вечера, смотрели фильмы, обсуждали книги, просто болтали. Психологический центр разме-

щался в муниципальной конторе, которая принадлежала отделу образования. Помещение бедненькое, но довольно уютное и, главное, в центре города. Основной целью посещения этого центра для Сергея Сергеевича было общение со студентками факультета психологии. Такое общение чуть не закончилось для Полуэктова женитьбой. Но это другая история.

В конторе политтехнологов собралось довольно много людей, несмотря на позднее время. Женя договорилась о встрече если не с самым главным, то точно с самым известным в этой области специалистом местного масштаба. Ей нужен был материал для журнала о подготовке к предстоящим выборам. Полуэктов и Женя прошли в самый конец небольшого коридора, в небольшую комнату с журнальным столиком и диваном буквой «Г». По уверенной походке Жени было видно, что она здесь не в первый раз.

Политолога звали Петр Семенович Завадский. Это был флегматичный человек среднего возраста без особых примет. Он поздоровался с Женей и Полуэктовым. И сразу перешел к делу:

– У меня есть не более двадцати минут. Женечка, я думаю, мы успеем?

– Постараюсь, – ответила Женя с интонацией и видом делового и знающего человека., такой ее Полуэктов еще не видел.

Женя и Завадский обсуждали вопросы, которые она прислала ему заранее по электронной почте. Вопросы с уже готовыми ответами Завадского в распечатанном виде лежали перед ней. Они уточняли отдельные предложения и формулировки и совершенно не обращали внимания на Полуэктова, как будто его не существовало.

Сергей Сергеевич с интересом наблюдал за Женей. Она пыталась убедить Завадского внести небольшие правки в подготовленные им ответы. Он отказывался, но вяло. Чувствовалось, что его можно дожать. Женя была настойчива и удивительно логична. В ее словах, жестах, выражении лица чувствовалась сила, которая нравилась и одновременно пугала Полуэктова.

Согласование материала продлилось не более пятнадцати минут. Женя и Полуэктов вышли на оживленную улицу. Им особенно некуда было спешить, и они решили немного пройтись.

– Он действительно большой политтехнолог? – спросил Полуэктов.

– Мудак он полный, – невозмутимо сказала Женя и добавила: – Я его знаю уже года три, он совершенное ничтожество, но с грандиозными связями.

– Зачем тогда делать материал с ним?

– Ты думаешь, я сама выбираю, с кем делать материал? Он раскрученная фигура. А для медийного пространства раскрученная фигура сегодня это то, что раньше считалось талантом с гениальностью в придачу. Главное – стать известным, знать нужных людей, и дальше можно торговать собой оптом и в розницу.

– Тогда я тебе сочувствую.

– Не надо сочувствовать, давай лучше чего-нибудь съедим, – предложила Женя, заговорщически подмигнув Полуэктову, словно съесть она планировала Завадского вместе с его конторой.

– Давай, – улыбнулся Полуэктов.

Женя затащила Полуэктова в популярный японский ресторан. Полуэктов двойственно относился к японской еде. Всякие супы и салаты его не привлекали, а вот роллы, да еще с пивом, он любил.

Пока ожидали заказ, Полуэктов пытался шутить, но разговор все время возвращался на политические темы.

– Я полгода хочу сбежать из журнала. Ни денег, ни творческого роста. Еще эти выборы... Тя-го-мо-ти-на, – по слогам произнесла Женя.

– Мне всегда казалось, что твой журнал – респектабельное издание.

– Это в Москве уважаемое, а провинциальные выпуски – фигня полная. Ты наш региональный выпуск читаешь?

– Нет, конечно. Я вообще читаю только новости в интернете, – отвечал Полуэктов.

– Вот видишь, и тебе по барабану, и всем по барабану то, что мы делаем. К выборам сейчас идет совсем одна заказуха. Когда я разговариваю с кандидатами или просто вижу их, они напоминают солдат Урфина Джюса.

– Такие страшные?

– Нет. Такие безмозглые и целеустремленные, – с какой-то обидой или злостью сказала Женя.

– А по мне, это просто такой бизнес и ничего личного. Кто-то же должен этим заниматься: если есть спрос, то обязательно будет предложение.

– Предложение чего? – переспросила Женя.

– Ну, этих... политиков. То есть кандидатов. Тем более что с ними работают такие политтехнологи, как Завадский.

– Да ну его, этого Завадского!

– Он что, обидел тебя? Я вижу, ты к нему совсем равнодушна, – попытался пошутить Полуэктов.

– Он меня обижает уже одним своим выражением лица, – невозмутимо ответила Женя и с хрустом разъединила бамбуковые палочки.

Принесли роллы. Женя начала жадно их поглощать. Существует расхожая поговорка: «Как человек ест, так он и работает». Полуэктову не нравилась такая трактовка, подходящая больше для крестьян на сенокосе. Однажды он придумал другой вариант: «Как человек ест, так он и занимается сексом». Для современного городского человека такая поговорка более подходящая. Полуэктов наблюдал за жующей Женей, и ему чертовски захотелось секса с ней. Фантазия у Полуэктова была богатая.

– У меня есть брат, революционер. Прости господи! – доев очередной ролл, сказала Женя.

– Вот это сюрприз! Ты не только с богемой дружишь, но и в революционном движении принимаешь участие.

– Какое там революционное движение? Мой брат Борис своей бурной деятельностью измучил родителей.

– А он старше тебя или младше? – спросил Полуэктов.

– Старше. На пять лет. У нас семья вообще-то большая. У меня еще и сестра есть. Иринка старше меня на два года, а я младшенькая и самая любимая. У брата слишком активная жизненная позиция. Он за правду, Россию и справедливость. Поэтому с ним жить невозможно.

– А чего плохого в том, что он за справедливость?

– Все дело не в идеалах, а в том, как ты к ним стремишься и что ты делаешь для этого с окружающими. Пока Боря учился в университете, он был и национал-большевиком, и коммунистом, и еще бог знает кем. Но самое главное, его борьба за справедливость – это, как мне кажется, лишь для того, чтобы не было скучно. Если Завадский умудряется заниматься интеллектуальной проституцией без мозгов, но за деньги, то Боря – все за идею, но от скуки. Лучше бы за деньги.

– Интересный у тебя братец.

– Да, обхохочешься до слез. Родителей жалко, им приходится его содержать и отмазывать от блюстителей общественного порядка. Он нигде не работает. В его жизни есть только митинги, листовки, собрания и молодые активистки.

– Неплохой набор.

– Знаешь, Борькина жизнь – это как жизнь богемы: голый зад с высокими идеалами.

– Но ты его любишь?

– Ну, брат все-таки... куда денешься. Он к нам с сестрой всегда хорошо относился. Когда были детьми, защищал. Я и в университет на журфак благодаря ему решила поступать. Борис раньше писал очень смешные стихи и пел их под гитару. Я и на гитаре научилась играть, чтобы быть как он.

– Да ты и на гитаре играешь?! Может, еще и поёшь? – с деланной веселостью спросил Полуэктов.

– Немного. Когда выпью.

– Надо срочно напиться. Я очень хочу тебя послушать.

– Не стоит. Пою я плохо. Вот Юлька поет как профессионал.

– Я заметил: у нее очень необычный и завораживающий голос. С таким голосом можно деньги зарабатывать, причем ничего делать не надо, только говорить, – сказал Полуэктов, и принялся уплетать свои роллы.

– Ей деньги не нужны. Она инопланетянка.

Полуэктов чуть не поперхнулся:

– В каком смысле?

– В обычном. Все, что для нас с тобой имеет значение и чего мы добиваемся, у нее есть.

Ну, может, почти все.

– Такого не бывает, чтобы все было. Психология, понимаешь. Наверное, вы в университете проходили пирамиду Маслоу? Одна потребность удовлетворяется – другая возникает. И так до бесконечности, – с умным видом изрек Сергей Сергеевич.

– Ты меня неправильно понял. Потребности у нее имеются, но не от мира сего. Ты видел ее работы?

– Жуть полная.

– Я бы так не сказала. Скорее, они оригинальные. Она сама к ним с юмором относится. Юлька ищет настоящее. Она как будто из фильмов Вуди Алена.

– Если из фильмов Вуди Алена, то у нее должен быть личный психоаналитик.

– Что тут необычного? Она давно к психологу ходит. Я вот тоже хочу записаться, но все времени не хватает, – улыбнулась Женя.

– Ходить к психологу входит в моду. Если мне понадобится, то обращусь к тебе, – Полуэктов подмигнул Жене.

Роллы закончились. Принесли чай. Чай Полуэктов заказал самый дорогой и, как сказал официант, очень редкий. Однако в чайнике оказалась горячая, почти неокрашенная безвкусная вода. Сергей Сергеевич и Женя пили чай, пытаясь добраться до глубин чайного вкуса.

После кафе они решили немного прогуляться. Полуэктов много говорил и совсем не замечал времени. С Женей было легко. Она тоже много рассказывала о своей работе в журнале, благодаря которой круг ее знакомых и интересов грозил вырваться за пределы Солнечной системы.

Домой Полуэктов приехал почти в час ночи. В голове – прекрасная пустота, которая создавала невероятное воодушевление. Поняв, что сейчас он не уснет, Сергей Сергеевич решил позаниматься на велотренажере. О Жене старался не думать, но все равно любая микроскопическая причина возвращала его мысленно к ней.

3

В субботу Полуэктов мог никуда не спешить. Дел особых не было, и он решил спать, сколько влезет. Но около восьми утра его разбудил стук в дверь. Стучать могли только соседи, поэтому он решил не открывать и попытался снова заснуть. Стук методично возобновлялся в течение нескольких минут. Накинув спортивный костюм, Полуэктов с большим раздражением открыл дверь.

– Сергей, извини, – сразу же, с порога, к нему обратился сосед, – нам тут электричество отключили. У тебя был ключ от щитка. Дай, пожалуйста, а то ломать неохота.

– Какой ключ? – ничего не понимая, зевал Сергей Сергеевич.

– Да от щитка, где разводка и счетчики. Ты мне его две недели назад открывал, когда новый интернет проводили.

– Ключ я дам, только его найти надо. А что с электричеством? У меня все работает, – начиная наконец просыпаться, сказал Полуэктов.

– Да это у меня с твоего ТСЖ отключили, за долги. Суки! Я же во второе ТСЖ плачу уже полгода, – сбивчиво объяснял сосед.

В доме, где жил Полуэктов, между жильцами постоянно возникали конфликты. Если раньше люди ругались и не могли поделить коммунальные квартиры, то в условиях победившего капитализма члены товариществ собственников жилья не могли поделить общедомовую собственность, ссорясь теперь из-за нее. Как всегда в нашем отечестве, в ходе любых конфликтов лучше всего ориентируются проходимцы, которые учредили в доме Полуэктова второе, альтернативное ТСЖ. И хотя по закону в одном доме можно было зарегистрировать только одно товарищество собственников жилья, второе тоже зарегистрировали, и оно начало конкурировать с первым за квартирную плату от жильцов. Сбитые с толку собственники и арендаторы квартир платили кто в одно, а кто в другое ТСЖ. Третья группа вообще никуда не платила и ждала, когда разрешится конфликт. Но время шло, и ситуация становилась патовой.

Представители то одного, то второго жилищного предприятия проводили собрания, вывешивали агитацию, раскладывали по почтовым ящикам листовки. Ничего не помогало. Все больше и больше живущих в доме просто отказывались платить за квартиру до разрешения спора, конца которому видно не было. И вот первое ТСЖ перешло к активным действиям – начали отключать свет неплательщикам. Все шло к традиционной русской забаве – мордобоем с порчей общего и частного имущества. Полуэктов пытался в это не вмешиваться, но делать это становилось с каждым днем сложнее.

С момента знакомства с Женей прошло две недели и два дня. Не то чтобы за это время Полуэктов привязался к ней, просто она заполнила почти все его жизненное пространство. От этого было немного страшно. Более того, последние три дня Сергей Сергеевич не мог до нее дозвониться – телефон все время был вне зоны действия сети.

В первый день Полуэктов думал, что у нее села батарейка. Во второй – что она потеряла телефон. На третий день Сергей Сергеевич уже ничего не думал, а тупо время от времени звонил и слышал в ответ только: «Телефон выключен или находится вне зоны действия сети». Домашнего телефона Жени он не знал, рабочего – тоже. Полуэктов даже подумывал позвонить Юлии и узнать, что случилось, почему Женя не отвечает, но никак не мог решиться.

Сергей Сергеевич помнил, что уныние – это один из серьезнейших грехов. Унывать и хандрить он не любил и знал, как бороться с этими недугами. Главный рецепт был прост – надо что-то делать. Именно делать, и даже не важно что. Например, можно было помыть посуду, пропылесосить квартиру, ответить на множество неотвеченных писем или, наконец, заняться спортом. Полуэктов был уверен, что бег и физические упражнения не только полезны

для физического здоровья, но не менее полезны для мозговой деятельности. Но в мозгу огромной занозой сидела мысль: «Почему Женя не отвечает? Что с ней?»

Сосед открыл щиток и со знанием дела обратно подсоединял электричество к своей квартире. Полуэктов не знал, да и особо не интересовался, кем тот работает. Однако сосед не давал о себе забыть тем, что постоянно проводил в квартире бесконечные ремонтные работы. Он то сверлил какие-то дырки в стенах, то циклевал паркет, то проводил новую проводку. За глаза Полуэктов называл соседа Кулибиным. И вот Кулибин уверенно отрезал и соединял провода.

– У меня хоть свет не пропадет? – поинтересовался Полуэктов.

– Сейчас не пропадет. Даю стопроцентную гарантию. Но вот если второе ТСЖ придет – тогда пропадет, – пошутил сосед.

– И мне понадобится твоя помощь, – продолжил Сергей Сергеевич.

– Говно вопрос! С тебя бутылка, и все восстановлю в лучшем виде, – улыбаясь отвечал Кулибин.

Общение с соседом не прибавило Полуэктову оптимизма. Спать больше не хотелось, но и делать особенно было нечего. Мысли о Жене отбирали очень много сил. Сергей Сергеевич оживил пальцами чувствительный экран своего телефона и начал играть в игры. Компьютерные игры он не любил, а вот на телефоне часто довольно эффективно убивал время.

Около полудня Полуэктов решил пройтись в магазин. Сергей Сергеевич старался в выходные меньше пользоваться автомобилем – считал, что для здоровья нужно ходить пешком и не менее пяти километров в день. На улице слегка подмораживало и светило солнце. Погода благоприятствовала прогулкам.

Полуэктов почти оделся, и тут зазвонил мобильный телефон. Сразу возникла мысль: «Может, это Женя?» Он начал торопясь вытаскивать телефон из внутреннего кармана куртки. Телефон, как мокрая рыбешка, выскользнул и грохнулся на паркет. Крышка телефона открылась, батарейка вывалилась. Чертыхнувшись, Сергей Сергеевич принялся собирать части. Телефон загружался мучительно долго. От нетерпения хотелось грохнуть его об стену. Когда телефон загрузился, высветился один пропущенный вызов. Но звонила не Женя. Звонил старый университетский друг, с которым Полуэктов не виделся очень давно, но иногда болтал по телефону. Друга звали Денис Банников.

Денис постоянно жаловался на жизнь. Это была его главная жизненная позиция или даже философия существования. Многие люди пытаются прибежаться и жаловаться на жизнь из-за боязни зависти, потребности в жалости или просто от небольшого ума. Но у Банникова эта привычка приобрела гипертрофированную патологическую форму. Денис мог жаловаться на все. Но больше всего он предпочитал обсуждать свою ужасную работу и беспросветную личную жизнь. Хотя и то и другое у многих людей могло вызывать не то что не сожаление, а даже зависть.

Банников работал в очень крупной фирме финансовым директором. Большая зарплата, машина с водителем и другие привилегии руководителя не могли сделать его счастливым. Он жаловался на хозяина своей фирмы, тупой персонал, скучную и неинтересную работу, риск, связанный с уходом от налогов и прочее. Причем список был открытый: ничто не могло переменить его эсхатологического взгляда на жизнь. Любил Банников жаловаться и на свою семью. Причем у него была жена с внешностью модели, двое детей и двухуровневая квартира в центре города. Ничего не радовало Дениса. Он рассказывал жуткие истории о жестокости жены, о проблемах воспитания детей и о болезнях тещи. Его рассказы не вызывали сочувствия у Полуэктова. Роль жилетки для слез или бесплатного психолога Сергея Сергеевича не прельщала, но такт и природная вежливость не позволяли послать друга на три буквы. Банников этим пользовался, как вампир, высасывающий энергию. Полуэктов не стал перезванивать.

Полуэктов шел по улице и разглядывал витрины. Ходьба сама по себе хорошее средство от хандры. Мороз был небольшой. Торопиться никуда не надо. Сергей Сергеевич ни о чем

не думал. Просто шел. Мелькали люди, машины, голые деревья. Движение улицы подтверждало, что все важные и значительные дела, в принципе, ничего не значат. Дела проходят, а движение улицы и равнодушные дома – остаются. Архитектура – как застывшая форма времени. Ругать современную архитектуру – все равно что быть недовольным временем, в котором живешь. Ворчать можно. Изменить ничего нельзя.

Около автобусной остановки Полуэктов обратил внимание, как небольшая, но серьезная красная машинка Mini пыталась заехать на бордюр, чтобы припарковаться. Машина жутко рычала, но, по всей вероятности, неопытный водитель ничего не мог сделать. Наконец, двигатель замолчал. Открылась дверь, и из машины вышла Юлия. Полуэктов немного обалдел, но это был шанс узнать о Жене.

Он быстро подошел и окликнул Юлию:

– Привет! Нужна помощь?

– О, привет, – своим космическим голосом ответила Юлия. – Вот, не могу припарковаться. Надо в багетную мастерскую, но я забыла, где она.

– А, это недалеко. Если хочешь, я могу тебя проводить.

– Хочу, а доехать нельзя?

– Доехать тоже можно. Минуты три.

– Поехали, – скомандовала Юлия и села за руль.

В такой машине Полуэктов еще не ездил. Он недолюбливал всякие купе и трехдверные хэтчбеки. Тем более такие, которые с намеком на дизайнерскую изысканность или попросту с понтами. Однако в салоне оказалось довольно уютно. Полуэктов не видел Юлию с того дня, когда они познакомились, но слышал о ней от Жени довольно часто. Он надеялся, что сможет узнать, куда исчезла Женья, но испытывал некоторую неловкость и не торопился с расспросами.

Юлия водила машину очень неуверенно. Казалось, что она совсем не смотрит в зеркала и по сторонам. Полуэктов объяснял, куда надо двигаться. Но нужный поворот Юлия пропустила. Пришлось делать довольно большой крюк, чтобы подъехать близко к мастерской.

Вся мастерская была завалена разнообразными рейками. Они лежали на полу, стояли, скрепленные, возле стен и рассыпались веерами на столах. Такого количества багетов разнообразных цветов, простых и вычурно замысловатых Полуэктову в одном месте еще не приходилось видеть. Зайдя в мастерскую, Юлия принялась выбирать нужные ей профили. Полуэктов стоял и ждал, когда она закончит копаться в этих совершенно никчемных, по его мнению, деревяшках. Ждать пришлось довольно долго. Юлия что-то спрашивала у продавца, сама лазила, как ищейка, по всей мастерской, ждала, когда принесут какие-то приспособления из подсобки, что-то отмечала в своем смартфоне. Прошло не менее получаса, пока она не успокоилась и Полуэктов не увидел пирамиду заказанных ею ранее и уже готовых прямоугольников и квадратов, упакованных равнодушным, но вполне вежливым продавцом.

В машину багеты помещаться не хотели. Пришлось сложить заднее сиденье. После этого их еле-еле удалось втиснуть по диагонали.

– Спасибо большое. Не знаю, что бы я делала без вас, – сказала дежурную фразу Юлия. Полуэктов чувствовал, что она собирается уезжать. О Жене он так и не спросил.

– Может, заедем куда-нибудь попить кофе? – предложил Сергей Сергеевич, чтобы задержать Юлию.

– Нет, спасибо. Я тороплюсь.

– А вы не знаете, где Женья? – предвидя неизбежность исчезновения Юлии, спросил Полуэктов.

– Не знаю. Если у вас есть ее телефон, вы можете ей позвонить.

– Но телефон не отвечает. Может, Женья уехала?

– Может, и уехала. Она часто ездит в командировки. Если я увижу ее, скажу, чтобы она вам позвонила, – сказала Юлия своим красивым, но уже казавшимся Полуэктову ужасно приторным и ненастоящим голосом.

– Буду признателен, – вздохнул Сергей Сергеевич и закрыл дверь машины.

Полуэктов смотрел на уезжающий красный Mini и чувствовал себя отвратительно. Гулять больше не хотелось, и он решил вернуться домой.

Однажды – а было это довольно давно – Полуэктов посмотрел ничем не примечательный советский фильм. Из всего фильма в мозгу отпечаталась одна фраза: «Это каждый может вечером после работы выпить пару-тройку рюмок, а вот так, чтобы с утра и целый день под откос, – могут не многие». Если вдуматься, фраза вполне заурядная. Любой алкоголик со стажем повторял такой фокус неоднократно. Но для Сергея Сергеевича – человека, в общем, непьющего, такой подвиг был значительным поступком. И вот, придя домой, он решил напиться самым радикальным образом, чтобы ни о чем не думать.

Вначале Полуэктов достал успешную покрыться пылью большую бутылку джина Beefeater. Нарезал хлеб и копченое мясо. Достал из холодильника несколько помидоров. Помидоры в это время года были явно тепличные. Полуэктов не любил разбавлять крепкие напитки, но для запивки пригодилась бутылка дорожкой сельтерской, больше двух месяцев занимающая место в холодильнике.

Разложив напитки и закуску на журнальном столике, Сергей Сергеевич собирался включить телевизор, но раздался телефонный звонок. По домашнему звонил один из самых близких друзей – Влад Зайчиков. Влад работал в университете доцентом на экономическом факультете. Когда-то они с Полуэктовым учились на одном курсе и в последнее время общались не очень часто.

– Привет, Серега! – из трубки послышался, как всегда, радостный и энергичный голос Влада. – Как поживаешь, старина?

– Ничего... В смысле ничего хорошего.

– И это в выходные? Ничего хорошего?! Если можно выспаться, то уже хорошо.

– А если уснуть не можешь и проснуться не хочешь?

– У тебя что, плохое настроение? – удивился Зайчиков.

– Да нет, вполне нормальное. Вот книгу читаю: «Десять самых лучших способов покончить с собой», – мрачно пошутил Полуэктов.

– Брось... это... хандрить. Новости смотришь? Кажется, евро пришел трындец.

– Ты преувеличиваешь. Евро может и будет падать, но не радикально, во всяком случае продавать твои сбережения в евро не советую.

– Какие там сбережения у бедного доцента? Мне все больше кажется, что доцент – это не должность, а кличка. Но посмотри сам: бюджетный дефицит в еврозоне огромный, политическая нестабильность, плюс возвращение Великой депрессии не за горами.

– Если Великая депрессия и вернется, то что евро, что рубли с долларами ничего не спасет.

– Да-а-а, плохо дело, – радостно сказал Влад, как будто говорил о чем-то очень жизнеутверждающем.

Полуэктов любил поболтать с Зайчиковым об экономике, хотя почти всегда они спорили. Зайчиков обычно оптимистично предсказывал наступление экономического и политического апокалипсиса, а Полуэктов мрачно говорил, что все не так плохо. Они даже иногда ссорились на почве споров, но быстро мирились, и все начиналось сначала. Среди друзей Влад слыл большим интеллектуалом, и поговорить с ним было просто интересно.

– Я две недели как вернулся из Японии, – продолжал Зайчиков, неожиданно изменив тему разговора. – Был в университете Киото, на конференции, посвященной России. Многие говорят, что Россия отстала на двадцать или пятьдесят лет. Не верь. Россия и Япония – это про-

сто две разные планеты. Вот, например, на сколько Земля отстала от Марса? Вот то-то. Несопоставимые понятия. Но главное – красота! И – ты не поверишь – спокойствие. Чего я не наблюдаю у нас в отечестве, так это спокойствия. Красоты, особенно в городах, тоже немного... Ладно, хрен с ней, с наукой, которую без спокойствия можно только имитировать. Но почему так мало красоты?!

– Смотря какой. Лучше и красивее наших женщин нет нигде. Это самое главное национальное богатство, дороже нефти и газа, – неожиданно сморозил банальность Полуэктов.

– Насчет женщин спорить не буду, но я вот что заметил. Большинство хрестоматийно красивых и вызывающих наших женщин при последующем общении становятся все меньше и меньше привлекательными. А вот среди знакомых иностранок я заметил обратное. При знакомстве и посмотреть не на что, кикимора кикиморой. А начинаешь общаться – видишь все новые и новые качества и грани, не побоюсь этих слов, душевной организации. И получается, как вино: чем больше общаешься, тем интересней и привлекательней она становится.

– Среди наших женщин тоже такие встречаются, – возразил Полуэктов и почему-то подумал о Жене.

– Встречаются, встречаются. Кто будет с этим спорить? Я не об исключениях говорю, а о тенденциях. Мне кажется, что у нас слишком много простоты, которая хуже воровства, как говорил классик. А насчет красоты всего остального, кроме женщин, надеюсь, спорить не будешь?

– Буду. Природа у нас красивая. Выедешь за город, где нет людей... красота!

– Я тебе открою большой секрет: где нет людей, природа всегда красивая, мощная и довольно опасная. Вообще, по большому счету, природа нейтральна к красоте. Это всякие поэты с художниками создали культ природы, смены времен года и другой сентиментальной чепухи. Вон классические русские березки везде растут и везде красивые, даже не в России. Дело ведь не в природе...

– А в чем дело?

– В людях. Посмотри, как в наших городах за последние двадцать лет муниципальные власти борются с архитектурой. Согласен, что при советской власти многое уничтожили и многое не ремонтировали, но кое-что сохранилось, и кое-что построили действительно красивого и значимого. Что делают сейчас? Реставрация с последующим полным разрушением здания. То, что возникает после современной реставрации исторических зданий, ни к истории, ни к архитектуре отношения не имеет. А что ты можешь сказать о точечной застройке?

– Фигня полная. Я из-за нее не могу в центре нигде припарковаться. Дома строят большие, а улицы остаются старые и узкие. Жадность всегда побеждает здравый смысл. И это тот случай.

– В точечной застройке самое отвратительное – в нарушении всех законов, от обычных до законов здравого смысла. Хотя, с другой стороны, все должно развиваться: и город, и архитектура. И дело даже не в пробках и откатах. Дело в нарушении законов гармонии.

– Да ты поэт, – хихикнул Полуэктов.

– Вот многие хотят, чтобы был порядок, – продолжал философствовать Влад, – а порядок – это просто другая сторона гармонии. Всякие славянофилы еще используют словечко симфония. Чаше для того, чтобы показать, какая у нас симфония между властью и народом. Но я не об этом.

– А о чем?

– О том, что хаос побеждает гармонию.

– Мысль правильная, но, мне кажется, несколько староватая, – с иронией сказал Полуэктов.

– Все правильные мысли и староваты, и банальны. Ты книжки читаешь? – Зайчиков опять резко изменил тему разговора.

– Читаю, но нечасто и немного. Мне детективы про Фандорина нравятся. Я все книги делю на две категории: первая – когда после пяти минут засыпаешь, и вторая – когда после пяти минут забываешь про другие дела. Иногда, конечно, хочется прочитать что-то интеллектуальное, но... сильнее сна пока оказываются только детективы.

– А я, кроме того, что по работе, люблю историческую литературу. Только настоящую, а не тот мусор, который ваяют интуитивные историки с двумя классами образования. Однажды, когда я получал второе высшее на юридическом факультете, читал учебник по истории российского права и чуть со стула не рухнул. Там одним из источников древнего русского права была названа Велесова книга. С таким же успехом можно по Жюлю Верну учить историю полетов на Луну. Хорошей литературы по истории, особенно российской, очень мало. Но есть. Вот сейчас читаю про Ивана Грозного. Безумно интересны свидетельства современников, иностранных путешественников. Читаешь и понимаешь, что ничего в России особенно за пятьсот лет не изменилось.

– Ну не все так плохо. Есть много хорошего. Хотя не всегда знаешь, что хорошо, а что плохо. Надо только подождать пятьсот лет, и все станет ясно.

Полуэктов болтал с Владом еще полчаса. Они скакали с темы на тему, говорили о политике и футболе. В конце разговора Сергей Сергеевич рассказал о Жене.

– Знаешь, я недавно с одной девушкой познакомился. Она журналистка, работает в деловом журнале. Мы несколько раз встречались, обедали в кафе, и вот уже несколько дней она не отвечает на мои звонки.

– А как же Оля?

– С Олей мы дружим. Но она никогда не была моей девушкой в смысле... – Полуэктов не мог подобрать нужного слова, – ну ты понимаешь.

– А твоя новая знакомая – кто она?

– Она меня просто гипнотизирует. С нею интересно и свободно. Я начал привязываться. Хотя никаких поводов она мне, кажется, не давала. А вот теперь даже не знаю, что думать.

– Ты и не думай. Что изменится, если ты будешь думать и нервничать? Я бы на твоём месте водочки выпил. Жаль, я не могу сегодня: мы вечером идем на юбилей тещи.

– Вот и выпей... в кругу родственников, – попытался пошутить Полуэктов.

– Я же не пью – за рулем. За последние месяцы ни капли в рот не брал. Даже забыл, какое оно, пиво, не говоря уже о коньяке.

– Ты не знаешь, можно ли узнать адрес по номеру мобильного телефона? Может, с ней что-то случилось...

– Узнать можно, но я думаю, бесполезно. Никто не гарантирует, что она живет по адресу прописки, да и глупо приходить в гости, если не звали. Представь: ты находишь адрес, приходишь к ней домой, а тебя встречает муж и двое детей. Драки тогда точно не избежать... Шутка, – уточнил Зайчиков.

– Ты прав. Ну пока. Хорошо тебе сегодня отдохнуть.

– Давай в понедельник созвонимся. Может, я придумаю, как тебе помочь. Пока, не нервничай.

Полуэктов положил трубку. На душе было пакостно. Сергей Сергеевич включил телевизор. Пару минут пробежался по всем каналам, но ничего интересного не нашел. Решил посмотреть кино. На жестком диске у Полуэктова было так много фильмов, что он просто не помнил, какие он посмотреть хотел, а какие уже посмотрел. Он начал открывать по очереди файл за файлом. Остановился на фильме Полански «Горькая луна». Этот фильм у Сергея Сергеевича давно был на примете, но все руки не доходили.

Первые две рюмки джина пошли прекрасно, настроение начало улучшаться. Фильм оказался интересным, хотя совсем не легким. Чем больше Полуэктов пил, тем ему становилось не то чтобы лучше, но точно спокойней. Он часто нажимал на паузу.

Во время пауз он думал. Мысли его водили хороводы вокруг двух абстрактных категорий: творчества и любви. И то и другое казалось недостижимым и бесконечным. Творчество позволяет преодолевать рамки, в которые тебя ставит общество, создавать новое. Любовь придает всему этому смысл.

4

Утро было серым и промозглым. Полуэктов лежал на диване и смотрел в окно. Капельки дождя рисовали по стеклу импрессионистские узоры. На журнальном столике стояла почти пустая бутылка джина и остатки еды. Голова, как ни странно, не болела.

Опохмеляться по утрам – плохой тон, но Сергей Сергеевич очень любил после бурного вечера на утро выпить рюмку-другую. Это позволяло почувствовать настоящий вкус праздности, без которой невозможно воспринимать как красоту, так и бесконечность окружающего мира. Полуэктов, долго не раздумывая, вылил в стакан остатки джина и выпил одним глотком. Мир стал еще более гармоничным. Сергей Сергеевич еще несколько минут смотрел в окно и уснул.

Разбудил Полуэктова телефонный звонок. Сначала он не хотел брать трубку, но кто-то звонил очень настойчиво. Ну и ладно, сон все равно улетучился.

– Да, слушаю, – немного хриплым голосом сказал Полуэктов.

– Сергей, привет, это Оля. Как я рада тебя слышать!

Звонила подруга Полуэктова. Он уже не помнил, когда с нею познакомился. Кажется, что знал ее всегда. Они вместе учились в университете, но на разных факультетах: Полуэктов – на экономическом, а Ольга – на геолого-географическом. Стиль жизни геологов – с походами, гитарами и палатками – Сергею Сергеевичу не нравился. С Ольгой они общались сначала в университетском КВНе, потом в общих компаниях, а сейчас просто как друзья – редко созванивались и еще реже виделись. В своих компаниях Полуэктов иногда появлялся вместе с Ольгой, но его девушкой Ольга не была. Друзья подшучивали над ними, говорили, что из них получилась бы неплохая пара. Несколько раз даже случился случайный и ни к чему не обязывающий секс. Полуэктову хотелось общаться с Ольгой, с нею можно было, что называется, поговорить за жизнь.

– Хорошо, что позвонила. А я тут праздную всемирный день отказа от закуски, – Полуэктов любил придумывать несуществующие праздники.

– Ты что, с утра напился? Алкоголик! – нежно ответила Ольга.

– Нет, не с утра, а с вечера. Сейчас похмеляюсь. Если хочешь, приезжай, у меня еще коньяк есть.

– Я как раз думала о том, чтобы ты приехал ко мне. Но если так, я могу подскочить. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

– Приезжай, но учти: у меня жуткий беспорядок.

– Как всегда?

– Хуже. Жду, – сказал Полуэктов и положил трубку.

Ольга не входила в его сегодняшние планы. В общем-то, и планов никаких не было. Сергей Сергеевич не стал ничего убирать. Он даже не встал со своего дивана – лежал и смотрел в окно.

Зайдя в квартиру, Ольга начала деятельно наводить порядок. Полуэктову ее деятельная жизненная позиция, честно говоря, не очень была по душе. Открыв дверь, Сергей Сергеевич снова плюхнулся на диван. Он изображал человека, жутко страдающего от похмелья.

Ольга выглядела привлекательно. Джинсы и светлый свитер подчеркивали ее почти идеальную фигуру. Короткая стрижка под мальчика, безусловно, была ей к лицу. Часто меняя прически, она, как хамелеон, подстраивалась к местности и среде обитания.

– Вставай, Илья Ильич! – шутливо сказала Ольга и сдернула с Полуэктова плед, которым он укрывался.

– Эй, поосторожней! Может, я не Илья Ильич, а Родион Романович, предпочитающий охотиться на молодых симпатичных девушек, – подыграл ей Полуэктов.

– Неважно. Вставай, будем пить чай.

Ольга ушла на кухню. Судя по грохоту посуды, она принялась ее мыть. Полуэктов выдержал паузу в пять минут и, завернувшись в халат, поплелся пить чай. Голова не болела, но каждое движение создавало дискомфорт.

Ольга, надев фартук, по-хозяйски распорядилась кухней. Судя по почти пустой мойке, борьба с грязной посудой подходила к концу. На столе уже стояли две дымящиеся чашки с чаем.

– Оля, я водочки выпью... – жалобно промямлил Полуэктов.

– Нет, ты мне сегодня нужен в работоспособном состоянии.

– У нас будет безумный секс?

– Ты безумно размышлялся!

– Тогда я просто теряюсь в догадках, зачем я тебе в воскресенье и в работоспособном состоянии. Я по выходным не работаю!

– Сережа, если серьезно, то я прошу тебя сегодня вечером сходить со мной в боулинг.

– Ты решила заменить фитнес на боулинг?

– Не надо иронизировать. Коллеги с моей новой работы устраивают в боулинге что-то вроде вечеринки, я должна быть. Сказала, что приду с другом. Ты мой друг?

– Я твой друг.

– Вот поэтому я хочу пойти с тобой.

Полуэктову уже не раз приходилось играть роль спутника Ольги на различных мероприятиях. У Ольги личная жизнь была не то что неустроенной, а какой-то фееричной. С ее внешностью и обаянием поклонников найти было несложно. Она быстро влюблялась, и эта ее особенность характера очень сильно вредила. Мужчины пугались напора и самоотверженности ее любви. Сергей Сергеевич за время знакомства с Ольгой был знаком не меньше чем с десятком ее бойфрендов. О себе он обычно говорил, что он «друг семьи».

Ольга страдала от неудач с мужчинами. Полуэктов часто бывал жилеткой для слез. В шутку называл себя «интуитивным психологом» и очень гордился этим званием. Два года назад Сергей Сергеевич нашел для нее настоящего психолога. Тогда Ольга впала в такую глубокую депрессию, что он начал беспокоиться о ее физическом здоровье. Ходить к психологу Ольге нравилось, и она до сих пор его регулярно посещала.

Работала Ольга в туристической компании. Ее работой Полуэктов не сильно интересовался. Иногда она ездила в длительные командировки и, кажется, была везде, кроме Австралии и Южной Америки. Недавно место ее работы поменялось. В новой, довольно известной туристической фирме Ольга стала небольшим начальником, что явно поднимало ее пониженную мужчинами самооценку.

– Я пьян и не могу сесть за руль. В таком виде я тебя только скомпрометирую, – сказал Полуэктов, отхлебывая горячий чай.

– Ничего, за рулем сегодня буду я.

– Я же в боулинге напьюсь, как свинья. Тебе будет за меня стыдно.

– Не напьешься, я буду за тобой следить и оберегать от внимания женщин.

– А вот этого не надо! Мое либидо требует их внимания, ты же отказываешься от секса?

– Перестань паясничать, – с явными нотками грусти сказала Ольга.

– Чувствую, что вариантов соскочить у меня нет. Ладно, я пойду, только с одним условием.

– Каким?

– Ты не будешь заставлять меня общаться со своими коллегами и позволишь мне пить пиво в неограниченных количествах!

– Согласна, хотя насчет коллег ты сам можешь передумать, они довольно симпатичные.

– Знаю я твоих симпатичных... Лучше пива друга нет, если оно холодное! Я слоган придумал, дарю: «Наше холодное пиво сделает ваши отношения гораздо теплее».

Полуэктов допил чай. Ольга закончила уборку кухни. Ее хозяйское поведение уже даже нравилось Полуэктову.

– А твой чай остыл.

– Ничего, я и холодный выпью, – сказала Ольга и сняла фартук.

– Ни в коем случае! Пить холодный чай – это все равно что пить горячую пепси-колу.

– Кому как... Насчет пепси-колы спорить не буду, а холодный чай я люблю.

– А я думал, что ты любишь только меня, – ехидным голосом сказал Полуэктов.

– Ты в моей классификации любимых вещей находишься между пятым и седьмым местом.

– За «вещь» спасибо. Я это запомню, а может, и запишу.

– Записывай, ты же бухгалтер. Можешь и баланс составить.

– Сколько раз говорить, я не бухгалтер, а финансовый аналитик, то есть экономист самой высшей категории, – продолжая словесную эквилибристику, ответил Сергей Сергеевич.

– Я шучу. Ты самый лучший экономист, которого я знаю. Только когда же ты станешь миллионером в долларовом выражении?

– Осталось немного, вот в боулинг сходим, и на следующий день начну этот миллион зарабатывать.

– Тогда одевайся, у нас времени немного.

– Ты же сказала, что вечером в боулинг.

– Ну да, уже четыре часа, а нам надо в шесть быть на другом конце города. Ты же еще час собираться будешь.

– Тогда я иду в душ.

Полуэктов носился по квартире. Он не мог найти свои любимые джинсы. Времени оставалось мало. Джинсы мистическим образом исчезли. Пришлось надеть светлые слаксы и синий свитер. Еще несколько минут Полуэктов рассматривал себя в зеркале.

Ольга все делала очень основательно. В ее машине всегда было чисто, как будто она только что из мойки. Водила Ольга тоже очень аккуратно, но вместе с тем довольно уверенно, а иногда даже агрессивно. Ездить с ней было одно удовольствие. В воскресенье пробок не было, и они успели доехать до развлекательного центра почти не опоздав.

Ольга позвонила своим коллегам. Они уже заказали дорожки и ждали. В помещении музыка и шум катящихся шаров и разлетающихся кеглей создавали атмосферу, которая напоминала что-то индустриальное, например цех по прокатке труб большого диаметра. Людей было не очень много. Коллеги Ольги заказали три дорожки.

Полуэктов и Ольга сразу нашли свою компанию. Коллеги оказались четверьмя девушками от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Среди них, видимо по недоразумению, затесался один мужчина неопределенного возраста.

– Это Сергей, мой друг, – Ольга представила Полуэктова своим коллегам.

– Очень рад, – произнес дежурную фразу Полуэктов.

Ольга назвала имена девушек, которые Полуэктов не запомнил. А вот у мужчины было редкое и звучное имя – Тимофей.

Атмосфера боулинга нравилась Полуэктову. Движение и шум позволяли сильно не напрягаться по поводу общения. Сергей Сергеевич заказал пива и чипсов. Тимофей оказался общительным и в меру пьющим человеком. Среди девушек две производили очень сильное впечатление, особенно когда совершали броски.

Необязательные разговоры и пиво значительно поправили душевное и физическое здоровье Полуэктова. Иногда он задумывался: для чего Ольга его взяла с собой? Видимо, в этом был понятный только женщинам смысл. И Женя тоже использовала его в качестве сопровож-

дающего. «Может быть, – думал Сергей Сергеевич, – я для женщин не представляю другого интереса».

Подмечено, что пиво значительно быстрее опьяняет, чем, например, вино. Полуэктов однажды смотрел по интернету фильм, в котором кретин с видом комсомольца тридцатых годов вещал о связи пива и импотенции. Главный тезис этой гнусной прокламации был таков: чем больше пива, тем меньше женщин. Сергей Сергеевич считал, что если начинаешь много о чем-нибудь думать – о потенции, признании или деньгах – то ничего из списка достичь не удастся. Люди, которые рассуждают, что от пива не стоит, сами, видимо, ущербные, и девушки их не любят, хотя, возможно, с потенцией все нормально. Но потенция – это как потенциальная энергия, она бесполезна, если не превращается в кинетическую, а превратить ее может только настоящая женщина. Настоящие женщины, впрочем, как и мужчины, не так редки, только немногие это понимают. Чтобы женщина стала настоящей, как ни банально это звучит, она просто должна в это поверить и... начать действовать. Мужчины чувствуют настоящих женщин на гормональном уровне, ну и, конечно, визуально. Плохо, когда начинаешь заикливаться, навязчивые мысли не позволяют расслабиться. А вот пиво расслабиться позволяет, а в расслабленном состоянии легче концентрироваться на главном.

Полуэктов уже минут пять наблюдал за симпатичной коллегой Ольги. Коллега играла очень темпераментно: открыто и эротично выражала свои эмоции. За ней было интересно наблюдать. Ее лицо и фигура отдаленно напоминали Женю, а может быть, Полуэктову это просто казалось. Сергей Сергеевич даже собирался спросить у Ольги, как зовут девушку, имя ее он, разумеется, не запомнил.

Переспрашивать не пришлось. Полуэктов услышал, как кто-то из компании назвал ее Наташей. Сергей Сергеевич подошел.

– Вы очень хорошо играете: страйк за страйком! Где учились?

– Ничего особенного, ловкость рук, и не надо нигде учиться, – ответила Наташа.

– Не могу в это поверить. Вот я посещаю курсы боулинга уже два года, но играю хуже, – Полуэктов определенно чувствовал кураж.

– Ну и чему же учат на курсах?

– Как обычно – сопромат и теория вероятностей.

– Вы шутите! А я вам поверила!

– Верить незнакомым мужчинам опасно. Меня зовут Сергей. Если не ошибаюсь, вы Наташа?

– Вы не ошибаетесь.

– Еще сегодня я думал, что в боулинге мне больше всего нравится пиво, но вы гораздо интересней.

– Спасибо за сравнение!

– Кстати, предлагаю выпить за знакомство!

Наташа действительно очень неплохо играла. Страйки она выбивала с завидной регулярностью. У Полуэктова, видимо, из-за усталости и выпитого совершенно сбился прицел.

Сергей Сергеевич целый вечер не отходил от Наташи и болтал всякую ерунду. Такое свое поведение он называл упражнениями во флирте. Он любил шутить, что флиртом, как и гимнастикой, надо заниматься регулярно, а то орган, отвечающий за него, атрофируется.

Весь вечер Полуэктов был в ударе. Много шутил, рассказывал анекдоты. Совершенно органично он стал центром компании. Несколько раз Ольга даже наступала на его ногу, оставившая слишком крутые заносы фантазии.

По дороге домой Полуэктов уснул в машине. Ему снился сон, в котором он пытался забраться на крутую гору. Гора была покрыта брусчаткой, как Красная площадь. Его обгоняли люди, он видел их спины и еще больше хотел добраться до вершины горы. Пошел снег необычного голубого цвета. Стало скользко. Спины людей впереди начали удаляться. Полуэк-

тов с удвоенными силами карабкался вверх, но все было тщетно. Это как затачивать напильником напильник: в теории возможно, но на практике проблематично.

Проснулся оттого, что Ольга гладила его по щеке.

– Просыпайся, алкоголик, – нежно сказала она.

Ничего не понимая, где он и что надо делать, зачем просыпаться и куда идти, Сергей Сергеевич несколько секунд хлопал глазами. Постепенно он начал приходить в себя. Но досада, что не удалось забраться на гору, присутствовала в отдаленных уголках сознания.

– Оля, теперь ты должна отнести меня в квартиру. Без тебя я усну в лифте.

– Никуда ты не денешься.

– Денуть, денуть. Ты просто не знаешь, сколько страждущих женщин охотится по вечерам на уважаемых и слегка выпивших мужчин.

– Я все знаю. Если хочешь, я могу с тобой пройти до квартиры.

– И мы будем пить чай!

– Уже поздно, и завтра на работу. Тебе, кстати, тоже.

– Чашка ароматного чая «хуёнг» ручной сборки и ручной сушки откроет нам новые горизонты, работа покажется не такой неизбежной, а время – бесконечным, как хорошая жевательная резинка.

– Ты все шутишь. А ну, давай выходи из машины, – грозно-шутливым тоном сказала Ольга и потянула Полуэктова за рукав.

На чай Ольгу уговорить получилось. Правда, сам чай готовила тоже она.

Полуэктов качался на стуле и философствовал:

– Вот если бы я на тебе женился года три назад, у нас бы уже дети бегали по кухне и не давали общаться. Я не понимаю, почему люди сначала хотят завести детей, а потом пытаются их сбавить всяким бабушкам-дедушкам?

– Я своих детей не буду никуда пытаться спихнуть. Я буду их воспитывать и вместе с ними отдыхать. Даже книги иногда покупаю по воспитанию детей. Мне интересно.

– Это тебе интересно, пока есть свободное время. Вообще, свободное время – главный враг для неокрепших умов. Вот появилось свободное время – начали читать книжки, смотреть всякую гадость в интернете, а потом возникают потребности, которые никто не может удовлетворить. Более того, сами эти потребности создают мотивы для различного асоциального поведения. Для того чтобы быть довольным жизнью, надо исключить свободное время! Многие для этого занимаются спортом.

– Спортom занимаются, чтобы здоровье поддержать.

– А я всегда думал, что для здоровья более полезен секс, в хорошем смысле этого слова. Эх, жаль, что я не мачо!

– Ты болтун!

– Все мы, финансовые аналитики, такие: создаем виртуальную реальность, за которую платят реальные деньги.

– Ладно, мачо-аналитик, продукт современного процесса модернизации мужского начала. Тебе надо выспаться, и все пройдет.

– Я все равно не усну, – как обиженный ребенок сказал Полуэктов.

– Если не уснешь ты, то сейчас усну я. Мне пора, – сказала Ольга и начала собираться.

Она так быстро оделась и вышла из квартиры, что Сергей Сергеевич не успел осмыслить ее уход.

Полуэктов сидел на кухне и тупо смотрел на полупустую чашку с чаем. Начинала болеть голова. Боль нарастала как лавина. Вначале незаметная, она постепенно закрывала собой весь горизонт.

Надо было раздеться и ложиться спать. Полуэктов снимал с себя вещи и бросал их на пол. Получилась небольшая цепь из как попало раскиданной одежды, похожая на кадр из плохого американского фильма. Эта цепь вела к дивану, на который рухнул Сергей Сергеевич.

Головная боль то усиливалась, то затихала. Лоб и затылок сдавливали цилиндрическими тисками. Уснуть не удавалось. Чтобы чем-то себя занять, Полуэктов включил свет и попытался читать. Возле дивана лежал журнал. Сергей Сергеевич его открыл и начал читать первую попавшуюся статью, потом следующую. Экономические тексты оказались совершенно искусственными. Финансовый кризис, о котором писали кому не лень, на практике сильно отличался от моделей аналитиков. А о практике Полуэктов знал на своем собственном опыте. Он давно заметил, что когда читаешь о сферах, далеких от твоей профессиональной деятельности, то все кажется правдоподобным, а иногда и интересным. Если же газетные и журнальные публикации затрагивают то, в чем ты хоть немного, да разбираешься, сразу становятся видны журналистские ляпы. Это еще раз доказывало, что те, кто это все пишет, в подавляющем большинстве случаев слабо представляют, о чем идет речь. В лучшем случае информация о проблеме берется из «Википедии» или подобных авторитетных источников.

В конце журнала находился раздел «культура». Первый материал был о современной фотографии. Полуэктов начал читать и вдруг понял, что автор статьи – Евгения Плотникова, Женя. Он внимательно дочитал. Ничего выдающегося в тексте не нашлось. Но теперь мысль о Жене уже, как шуруп, вкручивалась в мозги Полуэктова. Он пытался еще читать, потом выпил две таблетки от головной боли, и только под утро пришел неглубокий и тревожный сон.

5

Есть такая поговорка: «С глаз долой – из сердца вон». Но в отношении Жени это пока не работало. Вот уже третью неделю Полуэктов по несколько раз на дню думал о ней и никак не мог найти подходящий вариант для поиска ее в муравейнике миллионного города.

Экономический кризис (который в России, кстати, всегда с тобой), умноженный на мировой, сильно осложнил работу финансовых аналитиков. Клиентов стало гораздо меньше, а работы – наоборот. Полуэктов был известным в узких кругах специалистом, поэтому за свою занятость сильно не переживал, но тоже был вынужден прикладывать дополнительно значительные усилия для зарабатывания денег.

Рабочий день начинался как обычно, в девять часов утра, а заканчивался редко раньше восьми вечера. Бесконечные телефонные звонки и переговоры отнимали уйму времени. На собственно аналитику оставалась только ночь. Сергей Сергеевич в душе даже был рад, что почти отсутствовало свободное время.

В тот день он в девять вечера еще был на работе. Звонок мобильного, как обычно по вечерам, отключил. От монитора глаза болели, как перекачанные мышцы. Сергей Сергеевич решил закончить работу дома. Взял лежащий возле клавиатуры телефон. Посмотрел пропущенные вызовы, их было девять. И среди них два от Жени. Вид пропущенных вызовов от Жени привел Полуэктова в легкий ступор. Он очень ждал этого, но теперь не знал как быть и не решался перезвонить.

Минут пять Сергей Сергеевич собирался с мыслями, но мысли отказывались собираться. Поняв, что победить волнение все равно не удастся, он набрал номер. Каждый гудок длился нестерпимо долго, как в замедленном фильме, наконец она подняла трубку.

– Привет, – слишком высоким от волнения голосом сказал Полуэктов. – Это Сергей!

– Здравствуй, Сереженька, а я тебе целый вечер звоню. Как ты?

– Я-то ничего, что со мной делается? Я не мог до тебя дозвониться. Куда ты пропала?

– Представляешь, я телефон потеряла. А на следующий день уехала в командировку. Вот вчера вернулась. Хорошо, что у Юльки сохранился твой номер.

– А я видел это инопланетное существо и даже водил его в багетную мастерскую.

– Ты о ком?

– Я о Юлии. Очень хотел тебя видеть или хотя бы слышать. Но ты пропала, и у меня с каждым днем оставалось все меньше надежды на встречу.

– Не надо говорить таким грустным голосом, – очень энергично сказала Женя.

– Мой голос не грустный... я просто устал. День сегодня был тяжелый. Много работы, я даже не помню, чтобы обедал.

– Тогда приезжай ко мне. Я накормлю тебя ужином.

– Сейчас?

– Ну конечно не завтра!

– Ты хочешь познакомить меня со своими родителями? – неожиданно для самого себя спросил Полуэктов.

– Нет, не хочу. Тем более что родители живут отдельно. В этой квартире мы с сестрой, но ее сегодня не будет дома.

– Тогда диктуй адрес, – уже своим обычным, без ноток волнения, голосом сказал Полуэктов.

Женя назвала номер дома и квартиры, объяснила, какие магические цифры надо набирать на домофоне.

– Может, с собой чего захватить? Я могу по дороге заехать в магазин, – спросил Полуэктов.

– Ничего не надо, приезжай. А то, пока ты будешь ездить по магазинам, настанет время завтрака, – ответила Женя.

– Максимум через полчаса буду у тебя.

– Не задерживайся. Пока.

Полуэктов посмотрел на себя в зеркало, которое было закреплено с обратной стороны двери шкафа для верхней одежды. Вид был не ахти. Рубашка к концу дня выглядела, мягко говоря, не очень свежей. На лацкане пиджака, как небольшой орден, красовалось пятно. Светло-русые волосы торчали во все стороны, напоминая плохо скошенное пшеничное поле. Полуэктов пошел в туалет и умылся. Потом он намочил волосы и тщательно их расчесал. Немного взбодрившись холодной водой, Сергей Сергеевич почувствовал новые силы. Да и выглядел он, как ему казалось, уже не как усталый конь после скачек.

В каждом российском городе есть улица Ленина. В некоторых городах это центральные улицы, в некоторых – не совсем центральные, но в любом случае эти улицы всегда находятся в приличных районах. Наследие советских времен, улицы Ленина благополучно пережили радикальные политические и экономические реформы. И не то чтобы современные российские граждане уважали Владимира Ильича, скорее это была дань традиции, или, возможно, бессмысленные переименования улиц в девяностых годах послужили неплохим уроком. Хотя всем известно, что история никого не учит.

Женя жила на улице Ленина. Рядом с ее домом в небольшом сквере стоял огромный памятник этому самому Ленину. Памятник был гордостью советской монументальной скульптуры. Полуэктов не помнил скульптора, но слышал, что тот был заметной фигурой. Тело Ленина было высечено из гранита, и казалось, что Владимир Ильич вылезает из недр земли, как шахтер из забоя, причем кепка в руке почему-то со стороны ассоциировалась с чем-то не совсем приличным.

Полуэктов смутно помнил дорогу, куда пару раз подвозил Женю. Но так получалось, что до дома он ее ни разу не провожал. Сергей Сергеевич несколько минут ездил по дворам в поисках нужного дома. Окончательно запутавшись, он набрал номер Жени.

– Да, ты уже приехал? – услышал он ее голос.

– Приехал, только не знаю куда. Не могу найти твой дом. Такого номера нигде нет.

– А ты сейчас возле какого?

– Сто пятьдесят семь дробь один.

– Тебе надо вернуться, проехать через двор, потом выехать к школе, там проезд закрыт, придется объехать вокруг забора, свернуть налево и сразу будет мой дом сто пятьдесят семь дробь два. Запомнил?

– Нет, – честно признался Полуэктов.

Женя еще раз повторила. После этого Полуэктов еще минут пять ездил вокруг школы, где с трудом нашел поворот налево. Дорога и тротуары оказались плотно заставлены машинами. Втискиваясь между ними, ему удалось подъехать к дому Жени. Но теперь он не мог найти ее подъезд. Пришлось звонить еще раз.

– Женя, я не могу найти твой подъезд! – как только произошло соединение, нервно завопил Полуэктов.

– А, я забыла тебе сказать, в нашем доме четвертый подъезд идет после второго. Теперь найдешь?

– Найду...

В квартире было чистенько и уютно. Мебель из ИКЕА, и никаких дорогих излишеств, Женя одета по-домашнему, в спортивный костюм. Полуэктов первый раз видел ее в такой одежде. Он даже не удержался и пошутил:

– Вау, как тебе идет спортивный костюм! Мы будем заниматься спортом?

– Спортом я уже занималась, сейчас я буду тебя кормить ужином, – невозмутимо ответила Женя.

Для кухни комната, куда они пришли, казалась слишком большой. Посередине стоял овальный стол, в углу – холодильник, мойка и газовая плита. Свободного места на кухне оставалось много, и от этого она больше напоминала гостиную.

Полуэктов очень любил домашнюю кухню. И хотя он сильно не заморачивался насчет кулинарных способностей Жени, было интересно, чем же она его удивит. Сергей Сергеевич надеялся, что хоть пара бутербродов с чаем ему перепадет. Ужин превзошел все ожидания.

На первое был настоящий борщ со сметаной.

– Ты сама его готовила? – не удержался и спросил Полуэктов.

– Конечно сама. Иринка никогда не готовит.

– А кто такая Иринка?

– Это моя сестра, я же тебе говорила, что мы живем в этой квартире с нею вместе.

– А чем она занимается?

– Она стоматолог, причем очень неплохой, но я никогда у нее лечить зубы не буду.

– Боишься?

– Нет, просто не буду, и все.

Полуэктов за несколько минут умял целую тарелку борща. Борщ содержал все нужные ингредиенты. Часто, для экономии времени, в виде борща готовят какой-то капустный суп, но Женин борщ был классикой жанра.

– Второе будет? – окончательно освоившись, спросил Сергей Сергеевич.

– А как же, только немного придется подождать. Пока я тебя ждала, картошка остыла.

Ты когда-нибудь ел жареную картошку с простоквашей?

– Нет, о таком блюде я даже никогда не слышал.

– Это меня папа научил. Он в молодости служил где-то на Кавказе и там научился очень хорошо готовить.

– Твой папа военный?

– Сейчас нет, он уже на пенсии. Мы с семьей во время его службы объездили почти всю страну. Он до полковника дослужился. Сейчас бизнесом занимается.

Полуэктов с интересом наблюдал за Женей. Она зажгла газ и поставила разогревать на сковородке уже пожаренную картошку. Как только картошка стала шкворчать, Женя засыпала ее мелкопорезанной зеленью и густо залила простоквашей.

– Очень вкусно! Ты просто волшебница, – искренне восхищался Полуэктов, с аппетитом поглощая картошку.

– Я рада, что тебе нравится. Ты такой голодный. Нельзя так много работать.

– Если ты меня будешь кормить так каждый день, я буду работать меньше.

– Размечтался.

– Ну что, и помечтать нельзя? Мечты – главное оружие экономиста.

– Мечтать можно и даже нужно.

– А что у нас на десерт?

– На десерт мы будем пить чай.

Женя заваривала чай в большом фарфоровом чайнике. Процедура заварки чая – вещь довольно важная. Полуэктову ужасно не нравился чай из пакетиков, который стал атрибутом офисных перекусов. Чаепитие на скорую руку, как и многие другие занятия, которые можно делать быстро, бесполезно, неприятно и бессмысленно. Женя ополоснула чайник кипятком, потом засыпала заварку. Залив ее не полностью, она через две минуты вылила воду и сразу же, наполнив чайник, поставила его настаиваться. Полуэктову показалось, или он действительно почувствовал легкий аромат хорошего чая.

– Ты любишь чай с добавками? – спросил он.

– Конечно же нет! Чай должен быть чаем.

– А я иногда с охотой пью тизаны.

– Тизаны – это совсем другое дело. Главное, не мешать. Травяные чаи – это очень вкусно, но совсем другое, чем, собственно, чай, и смешивать их не люблю, – убежденно ответила Женья.

Чай оказался вкусным. Полуэктов с удовольствием его отхлебывал, несмотря на то, что было очень горячо. Он чувствовал себя прекрасно и расслабленно. Молчание затянулось. Сергею Сергеевичу не особенно хотелось говорить. Ему хватало находиться рядом с Женей. Он смотрел на нее и думал: «Видимо, все-таки есть Бог, если бывают такие встречи».

– Как командировка? – наконец он нарушил молчание.

– Обычная командировка. Знаешь, я не очень люблю разговаривать на производственную тематику. Работа как работа, что в ней особенного? – ушла от ответа Женья.

– Я очень хотел тебя видеть и волновался, что ты не отвечаешь на звонки.

– Это моя вина. Я все время теряю свои телефоны. Даже подумываю снова завести записную книжку, чтобы заносить туда номера друзей.

– Лучше телефон синхронизировать с компьютером. Записную книжку ты можешь так же благополучно потерять вместе с телефоном, – заметил Полуэктов.

– Ты прав, но все руки до этого не доходят.

Полуэктов иногда удивлялся, как в Жене совмещаются деловитость и сосредоточенность на работе со странной рассеянностью, которая, как цунами, иногда захлестывает ее.

– Тебе же по работе надо много общаться. Потерянные телефоны могут привести к большим издержкам поиска людей. Вот раньше я помнил все номера друзей, по которым мог найти их дома, потом помнил большинство мобильных телефонов. Сейчас я не запоминаю телефоны вообще. Все записано в Outlookе, в компьютере и на симке. Синхронизирую контакты каждую неделю, – довольно назидательно вещал Полуэктов.

– Ты прав. Давай этим займемся как-нибудь в следующий раз.

– Чем?

– Ну... этими... синхронизациями, телефонами, адресными книгами.

– Извини. Я, видимо, увлекся. Просто я не мог тебя найти и потому волновался.

– Не надо извиняться. Это я виновата, что не позвонила. Ты музыку какую любишь? – резко переменила тему разговора Женья.

– Люблю русский рок, но его нужно слушать одному. Еще люблю Dire Straits, Боба Дилана. Из современных мне нравятся Pierces, особенно Boring.

– Ты меломан. А я не задумываюсь и слушаю, что попадет. Нравится – слушаю, не нравится – не слушаю.

– Надо быть более разборчивой.

– А зачем? После того как музыка перебралась в интернет, можно найти что угодно и когда угодно. Спасибо пиратам!

– Кажется, Бродский когда-то сказал, что в жизни есть всего несколько стоящих вещей: курить, слушать музыку и ужинать с друзьями. Мы уже поужинали, остается покурить и послушать музыку, чтобы день был прожит не зря.

– Ты разве куришь?

– Только если сильно выпью.

– А я иногда курю, но только на работе. Наверное, от скуки.

Полуэктову захотелось курить. Это предполагало какое-то движение, видимо ему оно стало необходимо.

Сергей Сергеевич спросил у Жени:

– Сигареты есть?

– Есть, пачка в сумке лежит.

– Ты меня угостишь?

– Конечно, только пойдём на балкон. Иринка не переносит запах дыма. Вернется – будет скандал.

Балкон был застеклен, обшит светлым матовым пластиком. Вещей и мебели на балконе не было совершенно.

– Я тоже с тобой за компанию покурю, – сказала Женя и открыла балконное окно настежь.

Зимний воздух, перемешанный с дымом, сокращал расстояние между Женей и Полуэктовым. Они докурили и молча смотрели в ночь.

– Холодно, – нарушила молчание Женя.

Полуэктов обнял Женю, а она не сопротивлялась. Он чувствовал ее дыхание. Ему очень хотелось ее поцеловать, но он все не мог решиться. Время перестало существовать. Женя обняла его за шею и коснулась его губ своими теплыми губами.

6

В свои тридцать шесть лет Сергей Сергеевич имел довольно богатый опыт общения с женским полом, но пока так и не женился. В душе Полуэктов боялся зависимости, тем более от женщин.

Любая свобода предполагает полную ответственность за свои поступки. Иногда ответственность перерастает в зависимость, которая разрушает личность человека. Чувство ответственности однажды привело Полуэктова в ситуацию, которая потом послужила ему уроком на всю жизнь. На втором курсе университета он познакомился с удивительно очаровательной и еще более целеустремленной, чем он, девушкой Наташей. Наташа была философом, а точнее, культурологом. В то время культурология являлась новым и очень модным направлением в отечественной философии. Наташа училась на курс старше Полуэктова.

Эффектная внешность Наташи собирала вокруг нее целый шлейф поклонников. Полуэктов даже не пытался с ней познакомиться, трезво оценивая свои небольшие шансы вызвать внимание такой красивой девушки. Однако его самый близкий университетский друг Влад Зайчиков был другого мнения. Влад обладал одной особенностью, которая чем дальше, тем больше удивляла Полуэктова. Перед Зайчиковым не могла устоять ни одна женщина, если он начинал активно ее добиваться. Если все же добиться не удавалось, Влад довольно быстро терял к ней интерес.

Полуэктов познакомился с Наташей на дне рождения у Влада. В то время Наташа и Влад встречались не больше недели, но для всех друзей они выглядели как вполне состоявшаяся и очень гармоничная пара. Наташа очень вызывающе одевалась и вела себя так, чтобы все обращали на нее внимание. В своем поведении она очень походила на Влада, который в любой компании всегда должен был быть первым.

После второго курса Влад уговорил Полуэктова поехать с ним на Черное море в университетский студенческий лагерь. Тем летом у Сергея были совсем другие планы. Он хотел заработать на новый магнитофон. В начале девяностых материальные ценности воспринимались совсем в других координатах. Особых денежных проблем Полуэктов не испытывал. Он жил с родителями, которые работали на совместном предприятии, и финансовые проблемы, характерные для большинства семей в лихие девяностые, были ему чужды. Но Полуэктову хотелось быть самостоятельным. И тогда он твердо решил сам купить себе новый магнитофон с мощным усилителем и колонками. Друзья Сергея создали рок-группу. Рок-группа была самодельной и, скорее, просто поводом встречаться и пить пиво. Полуэктов гордился, что придумал ее название «Фома Аквинский и железная батарея». В компании царил культ хорошей музыки, преимущественно русского рока, прослушивание которого требовало новой, хорошей техники.

Влад в рок-группе считался также центральной фигурой. Он писал тексты и музыку, играл на бас-гитаре, был основным вокалистом. Полуэктов музыкальными способностями не обладал, может за исключением неплохого чувства ритма. Эти способности позволяли ему гордо называть себя перкуссионистом. Вся перкуссия состояла из железной банки из-под кофе, наполненной рисом.

Чтобы убедить Полуэктова, Влад применил запрещенный прием – апелляцию к дружбе. Дружбу Полуэктов ценил очень сильно и согласился поехать в лагерь вместе с Владом. Влад уже побывал в прошлом году в этом лагере и часто рассказывал истории, которые очень смахивали на байки. И главное, Зайчиков уверял, что лучшего места для знакомства с девушками, чем летний студенческий лагерь, найти трудно.

Действительность, конечно, оказалась немного другой. Лагерь в начале девяностых годов переживал период упадка. Десяток деревянных домиков, бытовой корпус с душем и столовая

составляли небогатый список сооружений, находившихся на территории лагеря. Среди достоинств числились почти девственная природа вокруг да чудесное теплое море.

Через два дня после приезда в лагерь Влад, как заговорщик, попросил Полуэктова сходить с ним на гору, мотивируя обсуждением очень важного вопроса.

– Понимаешь, – несколько неуверенным голосом сказал Влад, когда они вышли за пределы лагеря, – у меня тут одна проблемка нарисовалась.

– Я могу помочь?

– Конечно можешь! Ты же мой друг.

– Что случилось?

– Пойми только меня правильно... Я встретил девушку, о которой мечтал всю жизнь.

– Согласен, твоя Наташа просто прелесть, – ничего не понимая, сказал Полуэктов.

– В ней-то и проблема, в Наташе. Правильно мне говорили: не надо ехать в Тулу со своим самоваром. Девушка, с которой я познакомился еще в поезде, это не Наташа. Помнишь Яну?

– Ну да. Такая рыженькая, которая все время смеется?

– Она. Так вот, она мне нравится, я ей тоже. Но Наташа все портит. Я к Наташе очень хорошо отношусь. Но, понимаешь, мы совершенно друг другу не подходим. Она все время мне мешает, и я не хочу проблем.

– А что я могу сделать?

– Ты должен мне помочь.

– Чем? – не понимал Полуэктов.

– Тебе надо ухаживать за Наташей. Ведь она тебе нравится?

– Конечно, нравится, она же твоя девушка.

– Ну вот и хорошо. Сегодня вечером мы будем готовить шашлыки на море. Я к одиннадцати уйду к Яне, а ты побудешь с Наташей.

– Это как-то искусственно все. Она что, вещь, которую можно переключать из кармана в карман?

– Ой, давай без морали. Она не вещь, она хуже – заноза. Но только для меня. Вот у тебя сейчас нет девушки?

– Нет, – смутившись, ответил Полуэктов.

– Так ухаживай за Наташей. Она изумительная, это я тебе как друг говорю.

– Ничего не могу тебе обещать.

– Ты мой друг?

– Конечно друг!

– Тогда ничего не обещаю, но будь вместе с ней. Ходи на дискотеку, на море. А я потихоньку сливаю. В нашей компании, если я появлюсь с Яной, будут ненужные разговоры, а возможно, и сцены. Через неделю все равно никто не вспомнит, кто с кем приехал и чья девушка Наташа. Тебе и карты в руки, – уверенно сказал Зайчиков.

– Ладно, я постараюсь, – согласился Полуэктов.

Действительно, все оказалось почти так, как говорил Влад. Полуэктов всегда удивлялся его чутью и пониманию психологии людей. Зайчиков без особых объяснений исчез из их компании. Сергей старался быть рядом с Наташей. Полуэктов не знал и не особенно интересовался, объяснялся ли Зайчиков с Наташей или нет. Постепенно для Сергея стало естественным проводить время с такой красивой девушкой. Ему казалось, что его компания ей приятна.

На море Наташа и Полуэктов облюбовали большой камень на диком пляже. Наташа подолгу рассказывала о своей непонятной культурологии. Она увлекалась символами, которые отыскивала в предметах культуры от античности до наших дней.

Полуэктову Наташа очень нравилась. Хотя, общаясь с ней, он начал подмечать некоторые ее черты, которые, если приглядеться, оказывались недостатками. Например, у Наташи было очень своеобразное чувство юмора. Ей совершенно не присуща была ирония, и, что самое

прискорбное, у нее совершенно отсутствовала самоирония. Когда она шутила, ее шутки были похожи на сатиру из советского журнала «Крокодил».

В конце концов, и это не удивительно, Наташа привлекала Сергея просто как молодая и красивая девушка. Почти не имея опыта близкого общения со сверстницами, Полуэктов, проводя время с Наташей, открывал для себя новые горизонты, о существовании которых он до этого только читал.

В то лето Полуэктов впервые почувствовал, что значат слова «моя девушка». Всех его тогдашних знакомых по университету можно было разделить на три группы. Первая, самая большая, – это те, у которых не было девушки. Вторая, к которой относился Влад, – это те, у кого девушки менялись с большей или меньшей периодичностью. И третья – это те, у которых была довольно долго постоянная девушка, чаще всего еще со школы.

Вторая неделя отдыха в лагере проходила уже совсем по сценарию «мальчик с девочкой дружил». Влад, как всегда, был прав. Теперь уже все воспринимали Наташу как девушку Полуэктова. И, самое главное, Наташе такое положение дел, несомненно, нравилось.

Полуэктов даже начал замечать, что она заполняет ту часть его личного пространства, которую он называл экзистенциальным одиночеством. Но новизна ощущений была сильнее опасения потерять часть свободы. Сергей считал, что он вполне счастлив, и уже совершенно не жалел, что поехал в лагерь.

Отношения между Полуэктовым и Наташей все еще оставались целомудренными. Только за два дня до отъезда Сергею удалось ее поцеловать. Это произошло во время дискотеки на море. Территория пляжа формально не относилась к лагерю, и поэтому дискотеки там организовывались энтузиастами, преимущественно дикарями. Такие мероприятия обычно начинались в полночь и продолжались чуть ли не до рассвета.

Раньше Полуэктов уже пару раз целовался. Но с Наташей он чувствовал себя совершенно иначе. Если она и не была первой любовью Полуэктова, то была первым объектом взаимного чувства. Так, во всяком случае, казалось Полуэктову. Все, что происходило в то время, осталось в воспоминаниях, к которым впоследствии Сергей часто возвращался. Вкус поцелуев на море стал каким-то фетишем. Наташа, как и Полуэктов, много курила, вкус сигарет и соленой воды срослись в единое целое. Потом в психологических книжках он находил этому очень простые объяснения, но сохранившиеся в памяти ощущения оставались с ним всегда.

По дороге домой, в автобусе, Наташа и Полуэктов сидели рядом. Они почти не разговаривали. У Сергея было глупое и одухотворенное выражение лица, он искренне верил, что это и есть счастье. Весь путь занимал почти двенадцать часов. Домой приезжать не хотелось. Полуэктов смотрел в окно, но все пространство его мыслей занимала Наташа.

В городе привязанность Полуэктова к Наташе приобрела катастрофические масштабы. Работу Сергей даже не пытался искать. Теперь каждый день начинался звонками, поездками и встречами с Наташей. В его компании к Наташе относились нейтрально. Только Влад старался уговорить Сергея не заморачиваться на ней одной. Дни, когда он не мог ее видеть, были мерзкими и вязкими, как желе. В такие дни он старался встретиться с друзьями, чтобы выпить чего покрепче, забыться, потому что мучительные мысли о Наташе высверливали мозг.

Полуэктов был уверен, что любит ее. Не один раз он говорил ей об этом. В ответ она лишь улыбалась и как-то очень по-взрослому целовала Сергея в лоб или гладила по голове. Полуэктов ревновал Наташу к ее гипотетическим поклонникам, хотя она ни разу не давала повода для ревности. Правда, и со своими друзьями она его тоже не знакомила. В самом конце лета Полуэктов добился секса с Наташей. Верней, это она снизошла до секса с Полуэктовым. У Сергея она была первой женщиной. Полуэктов ошибочно думал, что теперь их отношения перейдут на новый качественный уровень.

Летом родители Наташи почти месяц жили на даче. Полуэктов иногда по два дня проводил у Наташи. Она любила выдумывать различные представления. Однажды она соорудила

туники по типу древнегреческих. Нарядившись в эти туники, они изображали пир и даже пили разбавленное водой красное вино, как настоящие греки, а не варвары. Наташа писала Полуэктову записки и письма, которые имели причудливые адресаты: от кого – Наташи, откуда – Кровать, кому – Сергею, куда – Диван. Одно такое письмо до сих пор хранилось где-то в старых бумагах у Полуэктова. Там была только одна фраза: «Я счастлива».

Осенью начались занятия в университете. Наташа и Полуэктов учились в разных корпусах. Видеться удавалось все реже и реже. У Наташи был миллион причин для ее занятости: лекции, встречи с подружками, подготовка курсовой работы, домашние дела, плохое самочувствие и даже забота о Полуэктове, чтобы он не пропускал занятия. Сергей постоянно ждал от нее звонка. Звонил сам, но она редко бывала дома, чаще трубку поднимали родители. Случающиеся, однако, встречи обычно заканчивались упреками Полуэктова, переходящими в извинения. В то время Полуэктов очень увлекался поэзией Бродского. В голове постоянно вертелось несколько строчек из его стихотворения «Postscriptum»:

Как жаль, что тем, чем стало для меня
твое существование, не стало
мое существование для тебя...

Доведенный своими переживаниями до отчаяния, Сергей решил сделать предложение Наташе выйти за него замуж. Он тогда думал, что женитьба может что-нибудь изменить.

В воскресенье утром Полуэктов договорился с Наташей, что он приедет к ней домой. Она сперва пыталась сослаться на занятость и подготовку к очередному зачету, но Сергей настаивал. Он пообещал, что не успеет ей надоест, и она согласилась.

По дороге Полуэктов зашел на рынок и купил огромный букет роз. На букет ушла половина стипендии. Он шел по улице к Наташе и чувствовал необычную решимость. Думал, что скажет все, что так долго хотел сказать, и у него было легко на душе от этого.

Дверь квартиры открыла Наташа. Она изобразила на лице удивление, как будто Полуэктов принес не букет цветов, а как минимум удава.

– Сегодня праздник? – спросила Наташа.

– День защиты мужчин от плохого настроения, – попытался пошутить Полуэктов.

– От кого защиты? Ну ты проходи, что в дверях стоишь.

Полуэктов неловко отдал цветы Наташе и сразу прошел в ее комнату. Через пару минут в комнату вошла и она сама с вазой, в которой огромным веником стояли розы.

Полуэктов, пять минут назад уверенный в том, что надо говорить, не мог вообще открыть рот. Подходящие слова исчезли совершенно. Молчание становилось неприличным. Наташа села на диван рядом с Сергеем.

– Ты что-то хотел? – она заговорила первой.

– Да. Я хотел тебя видеть. День сегодня хороший, – изменившимся голосом нес чепуху Полуэктов.

– Давай по существу, у меня еще много работы.

– Если по существу, то... – Полуэктов сделал небольшую паузу и совершенно буднично сказал: – Выходи за меня замуж.

Наташа немного опешила. Чего-чего, а предложения выйти замуж она явно не ожидала. Подмечено, что среднестатистическая женщина хочет выйти замуж гораздо больше, чем среднестатистический мужчина. И любое предложение замужества – это как орден, подтверждающий высокие качественные характеристики девушки, которой такое предложение делают.

Наташа молчала. Полуэктов тоже не знал, что еще надо говорить в таких случаях.

– Сереженька, ты очень хороший, – удивительно спокойным голосом сказала Наташа, – мне очень приятно от тебя слышать эти слова. Но понимаешь... Я сейчас не могу выходить замуж.

– Ты меня не любишь? – совершенно по-идиотски спросил Полуэктов.

– Ты очень хороший, и я очень тебя ценю. То, что между нами есть, – это не любовь, а, может, гораздо ценнее.

Полуэктов чувствовал, что еще чуть-чуть и у него начнут капать слезы. Чтобы как-то справиться с эмоциями, он встал и подошел к окну. Сергей смотрел в окно, но видел лишь расплывчатый квадрат пасмурного дня.

Не поворачиваясь к Наташе, он начал говорить:

– Мне плохо без тебя. Я не знаю, как без тебя жить. Я не знаю, как проводить время, когда тебя нет рядом. Мне нужно видеть твои глаза. Мне очень ты нужна.

– Сереженька, я же твой друг. Я никуда не собираюсь деваться. Давай останемся друзьями. Мне тоже очень хорошо с тобой. Я совсем другая, я отличаюсь о той, которую ты придумал. Тебе нужна девушка, которая сможет тебя любить просто за то, что ты такой необычный и надежный. И ты, я уверена, найдешь такую девушку. Только посмотри вокруг.

– Мне никто, кроме тебя, не нужен, – обреченно отвечал Полуэктов.

– Это ты сейчас так говоришь. Пройдет месяц или два, и ты будешь смеяться, вспоминая этот разговор.

– Мне очень плохо. Я пойду.

– Может, чаю выпьем?

– Нет, мне тоже надо готовиться к зачету, – совершенно убитым голосом сказал Полуэктов и решительно пошел к двери.

Всю следующую неделю Сергей не мог найти себе места. Он ходил в университет, общался с друзьями, но все происходило словно в каком-то забытии. В мозгу постоянно пульсировала мысль: «Как я буду жить без Наташи?» Как назло, дело шло к сессии, и Сергей уверенно двигался к ее провалу.

Полуэктову не хватало точки опоры. Он просто не знал, что делать, а все действительно важные и значимые занятия казались тщетными. Ничего не могло приблизить Наташу. Сергей начал писать ей письма. Каждый день с того воскресенья он исписывал по два-три листочка и отправлял по почте. Несколько раз он ходил к ее дому и бросал письма в почтовый ящик. Со стороны Сергей выглядел жалким.

Все закончилось бы хроническим неврозом и отчислением из университета, если бы не Зайчиков. В середине второй недели страданий Влад зашел к Полуэктову в гости. Причем инициатива исходила от Зайчикова. Влад где-то достал оригинальный виниловый диск «On Every Street» любимой его группы Dire Straits. Он притащил его, чтобы переписать на кассету и послушать в компании Полуэктова.

Перед тем как приступить к задуманному, Зайчиков предложил сходить за пивом. Влад, кроме всех своих талантов, мог еще выпить неограниченное количество этого напитка. Его он мог пить в любое время года. В ближайшем гастрономе они купили шесть литров разливного. Влад хотел купить еще, но деньги у Полуэктова кончились.

Пиво и музыка – отличное лекарство от многих проблем. После первых трех литров на двоих Сергей почувствовал, что должен все рассказать Владу о своей, как ему казалось, безвыходной ситуации.

Сергей рассказал о том, что сделал предложение, об отказе, о своих переживаниях.

– Тебя опасно с девушками знакомить, – совершенно несерьезно заметил Влад, выслушав «плач» Полуэктова. И продолжил: – Ты просто находка для женщин, мечтающих выйти замуж. Я же тебя предупреждал, что Наташа – это заноза. Застрянет, потом все вокруг нарываться начнет.

– Я же серьезно, а ты все шутишь, – попытался обидеться Полуэктов.

– И я серьезно. Ты вот сейчас убиваешься, только чтобы ничего не делать. И все тебя должны за несчастную любовь жалеть. Можно жалостью некоторых женщин склонить к краткосрочному сексу. Ну, как вариант... Налей мне еще пива.

Полуэктов наполнил бокалы, и они выпили. Оставалось всего около литра. Зайчиков продолжал философствовать:

– Знаешь, что я больше всего ценю в женщинах? Я в них ценю свободу. Если я чувствую себя свободным, мне хорошо, да и ей неплохо. А вот если отношения превращаются в тюрьму, то это плохо для всех. Наташа ищет и найдет себе еще какого-нибудь уроды. А ты просто слишком хороший для нее. Ей надо мучиться. А она мучает тебя. Мой тебе совет – забей.

– Не могу. Я пытался забыть, но не могу.

– А ты не забудь, а забей. Это две большие разницы. Давай я тебя познакомлю с подружками Яны. Ты даже не представляешь, сколько красивых и вполне вменяемых девушек не могут найти себе парня. А ты еще приличный и малопьющий. Само то.

– А как забить? – задал дурацкий вопрос Полуэктов.

– Очень просто. Надо жить как раньше, до Наташи. Ты все зачеты уже сдал?

– Ни одного.

– Клиника! Вот с зачетов и начни. Чем больше будешь заниматься конкретными делами, тем меньше будет времени для страдания. Можешь по утрам бегать, а по вечерам пить со мной пиво. Главное – движение. Какая музыка классная! – резко изменил тему разговора Зайчиков.

– А мне «Аквариум» больше нравится, – не согласился Полуэктов.

– «Аквариум» – это с другой планеты. Разливай остатки.

Они допили пиво и еще некоторое время крутили диск. После того как Влад ушел, Полуэктов завалился на диван в своей комнате и, как был в одежде, проспал до утра. Как всегда, рецепт Зайчикова оказался действенным. И через месяц Полуэктов окончательно переболел зависимостью от Наташи.

7

Домой от Жени Сергей Сергеевич приехал уже далеко за полночь. Спать не хотелось. Он чувствовал такую энергию, которая могла бы помочь совершить что угодно. Правда, делать Полуэктову ничего не хотелось. Он ходил по квартире и раз за разом прокручивал в голове события прошедшего вечера.

Женя удивляла и очаровывала его одновременно. Ее непредсказуемость и непосредственность не имели границ. Полуэктов ощущал, как рыба ощущает воду, что неотвратимо растворяется в чувствах к Жене. Эти чувства можно называть любовью, но вряд ли одним словом можно описать то безумие, которое охватило Полуэктова.

Сергей Сергеевич был счастлив, как ребенок, которому подарили игрушку, о которой он давно мечтал. Дни без Жени теперь казались лишь досадным фактом географии. Две точки – Полуэктов и Женя – наконец существовали в одних координатах. Теперь он надеялся, что будет видеть Женю каждый день и каждый день будет создавать новое ощущение счастья и возможности для создания чего-то большего, о чем можно только догадываться и о чем так трудно сказать с помощью слов и букв.

Полуэктов даже хотел выпить пару рюмок джина, но вспомнил, что его ждет работа, взятая из офиса. Желание напиться усилилось в несколько раз. Но сразу реализовать этот порыв не получилось, и через пять минут Сергей Сергеевич уже сидел за компьютером и с прилежностью хорошего ученика щелкал по клавишам.

Завершить работу над отчетом удалось только к трем ночи. Голова гудела, но факт окончания пусть рутинного и нетворческого, но все же дела положительно сказывался на внутренней самооценке. Мысли о Жене постепенно заполнили все освободившееся пространство мозга Полуэктова. С ними, с этими мыслями, он прилег на диван и сразу провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся Сергей Сергеевич в семь утра. Все тело ломило, голова раскалывалась от ноющей боли. Полуэктов сразу сообразил, что заболел и, видимо, у него высокая температура. Он долго не мог собраться с силами, чтобы встать с дивана. Наконец, побрел за градусником на кухню, где в шкафу спряталась импровизированная аптечка. Его сильно шатало, в ногах чувствовалась чудовищная слабость. От страха потерять равновесие Полуэктов несколько раз прислонился к стене коридора, ведущего на кухню.

С трудом отыскав градусник, минуты две мерил температуру. Термометр показывал тридцать девять и восемь десятых. Стало страшно: такой высокой температуры он у себя не помнил. Надо было срочно ее сбить. Выпив две таблетки парацетамола, Сергей Сергеевич, шатаясь, поплелся к дивану, на который упал, и забылся в полусне примерно на час. Очнулся весь мокрый: температура понемногу снижалась.

Надо было отправить отчет и позвонить на работу. Полуэктов, плохо соображая, включил «железного друга», нашел нужный файл и нажал «доставить». Начальник, которому он тут же позвонил, дал добро не приходить на работу и пожелал выздоровления.

Сергей Сергеевич чувствовал, что температура возвращается горячей, душной волной. Надо было вызывать врача. Участковым врачам из районной поликлиники Сергей Сергеевич не доверял. Все бесплатное вызывало у Полуэктова устойчивое недоверие, особенно здравоохранение, где результат имеет значение. В редких случаях недомогания он обращался к своему знакомому преподавателю медуниверситета Александру Васильевичу, которого он не то в шутку, не то в серьез называл семейным доктором. Александр Васильевич всегда был рад попрактиковаться.

Телефон Александра Васильевича не отвечал. Полуэктов опять провалился в полусон. Ему снились голоса то ли сослуживцев, то ли соседей. Может, это за стенкой работал громко телевизор? Зазвонил телефон. Полуэктов нажал кнопку приема, звонил доктор.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Вы звонили? Извините, не мог ответить, был на лекции.

– Да, я звонил. Кажется, я заболел. Температура высокая.

– Какие еще симптомы?

– Никаких, лишь в горле немного скребет.

– Выпейте что-нибудь от температуры с витамином С и постарайтесь уснуть. Я могу приехать часа через полтора.

– Жду, – сказал Полуэктов и нажал отбой.

Сергей Сергеевич очень хотел позвонить Жене, но сомневался, стоит ли грузить ее своими проблемами. Полуэктов не любил ныть. Звонок больного и плохо соображающего человека, по его мнению, не очень уместен в рабочее время. Сергей Сергеевич улегся дожидаться доктора с твердым намерением позвонить Жене вечером.

Александр Васильевич приехал почти минута в минуту, как и обещал. Он тщательно осмотрел Полуэктова и жизнерадостно заявил:

– Жить будете, милостивый государь, банальная ангина, – доктор любил использовать старорежимные словечки, от этого он иногда напоминал докторов из чеховских рассказов. – Я выпишу вам лекарства. Через три дня вы сможете бегать, как мустанг по просторам прерий.

– Мне бегать не надо, мне на работу надо: завал, – обреченным голосом сказал Полуэктов.

– Если хотите вылечиться, минимум дня три надо побыть дома. Работой можно заниматься и по интернету. Больничный вам нужен?

– Наверное, нет. В нашей конторе к этому относятся либерально. Главное – не злоупотреблять.

– Звоните мне каждый день. Я думаю, уже завтра станет гораздо лучше.

Александр Васильевич нехарактерным для доктора красивым и разборчивым почерком написал список необходимых лекарств и периодичность приема. Деньги для врача Полуэктов обычно складывал в конверт. Александр Васильевич говорить о деньгах считал моветоном, просто брал приготовленный белый прямоугольник и клал в портфель. В этот раз Сергей Сергеевич конверт приготовить не успел. Пришлось идти за бумажником. Доктор уже оделся и ждал Полуэктова в дверях.

Торопливо пряча в портфель полученную сумму, Александр Васильевич погрозил пальцем:

– Еще раз прошу вас: три дня – соблюдение режима, прием лекарств и процедуры. И больше отдыхайте, от работы себя плохо чувствуют не только кони.

После ухода доктора Полуэктов сразу почувствовал себя лучше. Он порылся в аптечке, нашел и нужные таблетки, и сироп для полоскания горла. Таблеток не хватало на весь прописанный курс, но на один день – достаточно. Выпив все, что нужно, Сергей Сергеевич лег на диван и почти мгновенно уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.